

Сергей Платон

Тонкие повести

Стеклобой/Театральные каверзы/Инглубагла

Сергей Платон

**Тонкие повести. Стеклобой/
Театральные каверзы/Инглубагла**

«Издательские решения»

2015

Платон С.

Тонкие повести. Стеклобой/Театральные каверзы/Инглубагла /
С. Платон — «Издательские решения», 2015

Три небольшие повести с громадным жизненным смыслом, пожалуй, самое лучшее из написанного автором на сегодняшний день. Несколько дней жизни юного художника, целая жизнь театрального актера, последний год жизни классической арбатской коммуналки – все это поводы к размышлению о нас, сегодняшних, о наших отношениях с жизнью. Автор хорошо владеет словом и слово это меткое, остроумное, элегантное, легко приводящее читателя в нужное эмоциональное состояние, предлагая ясные чувства и точные мысли.

© Платон С., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Стеклобой	6
...	20
Театральные каверзы	21
1	23
2	24
3	26
4	28
5	29
6	32
7	33
8	34
9	35
10	37
11	40
12	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Тонкие повести
Стеклобой/Театральные
каверзы/Инглубагла
Сергей Платон**

© Сергей Платон, 2015

© Андрей Жукаев, дизайн обложки, 2015

© Ян Гевелий, иллюстрации, 2015

© Мария Орлова, иллюстрации, 2015

© Андрей Жукаев, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Стеклобой Повесть

Такого в телевизор не увидишь. Американцы там, или австралийцы всякие здорово свою природу снимают, а по-разному прекрасного, некоторыми ночами какого-то совершенно алмазного неба, как в Будылино, ни разу и не показывали. Нет у них его, наверное...

– Ох, какое небушко пригожее! Глаза просмотришь! – силным придыханием пропела мама из-за киркиной спины, будто колоколом, звякнув полым бидоном. – Вот что, сынка, надо рисовать!

Алюминиевый звон щекотнул уши.

– Я его и рисую, – мирно отозвался сын, прислушиваясь к исчезающему звуку.

– Рисуй, рисуй. Какая красотища! Да?

– Красиво.

Что-то немного похожее Кирилл когда-то находил на тяжелых страницах двух широченных альбомов «Европейская живопись», но небо там у них было не главным. А в поселке оно заметно всегда и постоянно высокое везде. Не бывает в Будылино низкого неба, как в городе. Это оттого, что на пяти холмах вокруг затопленного карьера, то есть, по берегам зеркального озера построен их большой поселок городского типа, и в каждом окне – не кривой сарай с ого-родом, а стройная панорама стеклянных облаков или звезд.

И зачем от такой красоты уезжать?

Была еще одна серьезная причина, по которой Кирюша Будылин не стал доучиваться после девятого класса. Дело в том, что мама один раз серьезно заплакала. Сволочь он, что ли? Конечно, остался и как все пошел себе работать на стекольный завод в бригаду Кирющенко, куда брали всех молодых.

А ведь сначала обстоятельно собирался поступать в училище, в город.

Птичий характер. Готовился-готовился, и никуда не поехал. Долго исправлял годовые оценки, через силу читал учебники и книги по программе на два класса вперед. И не поехал. Вечерами торчал или у Юры Петровича в клубе на занятиях изостудии, или в собственной, как бы, студии – в мансарде, оборудованной на чердаке. Не поехал. Ну и ладно, не поехал и не поехал. Дома тоже хорошо.

Здесь во всех его студиях жили-были сказочные лебеди. В разнообразных техниках: карандашом, пером, пастелью, гуашью, акрилом, маслом он всегда писал только их. Ну, не исключительно, а в основном.

Восторженный Юра громко нахваливал не только лебедей, но и все пейзажи, редкие портреты, предметы, даже шрифты, которые рисовал Кирилл. Схватывал еще не просохший лист и носился, как курица по поселку, восхищенно показывая картинку равнодушным встречным. Какой-то барагоз, а не учитель.

На мокрую курицу в эти моменты он походил. Неряшливый, худой, взъерошенный, остроголый, остроносый, кудахтал добрые слова, размахивая длинными гибкими пальцами, и то снимал, то надевал очки. Потом летел обратно в клуб оформлять свежий киркин шедевр в паспарту и багет. Персональная лебединая выставка уже кое-как умещалась на стенке клубного фойе.

Продолжать учебу настоятельно посоветовал вечно суматошный Петрович, притормозив однажды бегущего домой мальчишку в сенцах одноэтажной школы. Он был у них учителем всего на свете: истории, литературы, биологии, рисования.

– Ну-ка, ну-ка, шантрапа, стой! Куда летишь?

– Купаться, дядя Юра.

– На изостудию придешь?

– Приду.

– Будет разговор, готовься! Ты мне скажи, учиться дальше собираешься?

– Где?

– В городе, конечно! Где еще? У нас тут нету старших классов для тебя. А ты у нас один такой ученичок, которому они нужны. Догадываешься? Вечером поговорим.

И ведь не поленился, скатался уже до города, разыскал там своих старых однокурсников, у которых, кажись, были знакомые в художественном училище. Показал им несколько работ, те похвалили. Рассказал еще, что в городском зоопарке есть настоящие лебеди. Их же можно смотреть каждый день! Кирочка и размечтался по-серьёзке.

Отменили продолжение мечтаний первые за всю кирюшину жизнь безысходные мамины слезы. Вообще-то, она у него никогда на невзгоды не плакала, только коротко шумела, обзывалась, ругалась. Но не на кого-то конкретно, не с кем-то реальным, а, наоборот, с кем-то нездешним, вообще на кого-то, кто во всем и виноват.

Не очень-то злобно, но часто мама отчитывала этого кого-то:

– Вот что ты себе позволяешь? Как так-то? Не стыдно тебе? Что творишь-то?

Классу к седьмому Кирилл стал понимать, что именно в эти моменты матери или больно, или скверно, или трудно. Знал, что «мама заругается», проводив отца, скучного и тусклого старика, похожего на застиранный носовой платок, давно переселившегося в город, и появляющегося лишь в праздники «потрескать водки».

И чего он ездит? Будто он тут нужен!

Знал, что будет эта ругань, если порежется или обожжется; причем, не важно кто из них, он ли, она ли. Знал, что зашумит, если не так, как положено, походить за скотиной. Знал, что кому-то опять «прилетит похохотать», когда допоздна засидишься в мансарде, а наутро нужно в школу к первому уроку, или вдруг обнаглеешь и в магазине прикупишь чего-нибудь лишнего, не по списку.

Но всё это – привычные «ругачки», почти сразу сменяемые хохотом на ту же тему. И почему тогда заплакала? Непонятно. Он же еще не уехал, только собирался, думал. А она уже заплакала. Не запрещала, не удерживала. Просто тихо разревелась, поговорив о чем-то с Юрой во дворе после дискотеки на школьном выпускном вечере. Вернулась домой, не глядя на сына, присела к столу, положила руки на колени и надолго застонала-завыла, невнятно приговаривая:

– Как так-то? Как же мой Кирюшка там-то? Он же как цыпленок. А там же люди хуже воронья. Заклюют они его. Как он там один-то? Там бешенство и пакость. Угарно там у них. Не накормит его рисование. Это не работа. Смуют они его, смуют.

Маслянистые капли маминых слез изредка шлепались с подбородка на клеенку, стекая в бликующую лужицу.

Вот он и не поехал.

Год без малого, не особенно сморкаясь, трудился себе на заводе у балагуристого балабола дядьки Назара Кирющенко и скоро собирался в первый отпуск.

«Прикольно, – часто думал Кира, – ты месяц не работаешь, а тебе всё платят и платят. Баско! Космического лебеда закончу».

Этот лебедь получался трудно, долго. То есть, не получался уже несколько месяцев. Вроде бы и выдумался быстро, а на холст почему-то не торопился. Если задуманное не получается сразу, очень долго потом вырисовывается. А хочется, чтобы быстро. Ему ведь и самому уже хочется, он же уже есть. Хочет, но не спешит. И хорошо, что долго. Хорошим он выходил.

Таких «пейзажей из окна» Кирилл понаписал к тому времени целую папку. Чего уж далеко ходить за красотой? Открыл окно мансарды и пиши себе на здоровьице! Только вот этот сюжет оказался непростым. Край озера, облачное небо и заросшая лесом, будто мхом, пирамида самого высокого холма, прозванная в поселке сопкой – вот и весь сюжет, все началось как обычно. Потом облака отчего-то потемнели и сквозь них проступили точечные звезды. Потом облака вообще растворились в бархатной черноте. Звезды появились, словно россыпи дробленого риса, разбросанные по черному стеклу. Разных звезд и звездных бликов

становилось все больше и больше, пока они не сложились в лебединый силуэт. Удивительно. Сам собою проявился космический лебедь. Красавец!

Мама увидела, ахнула:

– Цыпка ты моя! Какую красоту наделал! Баско! – и, ласково улыбаясь, принялась старательно стряхивать несуществующие пылинки со стерильно чистой футболки.

Значит, получился.

А вот на его отражении всё забуксовало. Небо же должно отражаться в воде, правильно? Кира тут же старательно отразил по всем законам композиции и перспективы. Получилась какая-то пошлейшая игральная карта. Дрянь картинка. Замазал воду и расстроился. Ну, не хватает неба в озере, хоть тресни! Вот же упрямый какой!

Еще несколько месяцев писал его отражение и записывал, писал и записывал, пока не додумался, что между небом и водой всегда есть ветер. Значит, не может озеро быть спокойным и зеркально ровным. Оно таким и не бывало никогда. Нужна какая-то зыбь, наверное, волны или даже шторм. Тогда и звездное отражение заиграет, оживет. Когда попробовал, все стало получаться. Не сразу, медленно, но верно получалось.

Иначе в настоящем творчестве, поди, и не бывает.

Да еще и некоторые заводские «новые новости» крепко отвлекали от высокого искусства, не всякий день удавалось подойти к холсту. Частенько приходилось оставаться после смены, чтоб «дотыкать» мордочки и крылья для зеленых лебедей.

Сам виноват. Сам же выдумал делать из отбракованного изумрудного стекла вазы в форме лебедей. Никому, кроме Кирилла, их мордочки и крылья пока не удавались. Как ни напрягались опытные мужики, сикось-накось у них выходило, не могли освоить кирины затейливые щипки и поддувки. Приходилось дорабатывать, куда деваться?

Из бутылочных лебедей уже наладилась крутая подработка для всего поселка. Старшие дети и почти все жены заводчан каждую ночь, как на работу, ходили на станцию, продавать вазы заспанным пассажирам четырех проходящих поездов. У некоторых особенно прытких получалось заработать за ночь больше, чем давали в получку за месяц. Полпоселка за полгода всерьез занялось этим заработком. Кое-кто умудрялся продавать даже «недотыканки», то есть не исправленные Кириллом заготовки.

– Стекло, стекло! Вазы, кружки, стекло! – пронзительным гусиным криком верещал Иван, носясь вдоль железнодорожного состава. Увешанный пакетами, коробками и сумками, Кирилл еле поспевал за ходким другом.

Из двадцати вагонов на плохо освещенную платформу лениво вываливалась темная масса разминающихся проезжающих. Молодые закуривали, тетки и старухи закусывали едой, мужики брали пиво в киоске. Крики про стекло и вазы неслись со всех сторон. Пассажиры сначала шарахались, пробуя увернуться от навязчивых торговцев, потом приглядывались к необычному товару, вертели в руках, о чем-то спрашивали, хихикали и покупали стеклянных лебедей-мутантов. И зачем они им?

– Так. Давай-ка пару ваз еще. Щас по вагонам пробежим, – оглушил подскочивший сзади Ваня. Я восемь уже сдал! На каждом его пальце висело по кружке, на шее – пакет с вазами, в ладонях – тоже вазы.

– Я по вагонам не пойду, – испугался Кирилл, – билета нет, и как я там с коробками?

– Болван ты, Кира, я пойду. А ты иди снаружи и за мной смотри. Всосал?

– Чего всосал?

– Да ничего! – ругался Ванька. – Ты, блин, художник, не тупи уже, прорюхивай скорее! Ты – снаружи, я – внутри. Так и пойдем. Понял? Лучше бы Натаху взяли. Всё, понеслись!

«Какой он возбужденный, нахальный, незнакомый, – впопыхах соображал Кирилл, – я так не умею, ничего бы здесь я бы не продал никогда, и нечего сюда ходить. Лучше буду делать, а не продавать. Действительно, пускай Наталья ходит. Она веселая и тоже наглая».

В хвосте состава посмотрели по пустым коробкам. Круто! Оставался один «недоделанный» лебедь. Ванечка схватил его за шею и нырнул в толпу. Какой-то прощелыга, а не друг.

Дождаясь его возвращения, Кира медленно слонялся по бурлящему перрону и прислушивался к себе. Бизнес на сегодня получился, надо бы порадоваться, а его всерьёз мучило. Странно. Глядел на динамичную торговлю, слушал гомон сотни резких голосов, гудки локомотива, звяканье стекла и мрачно супился.

– Бери, мужик, чего раздумывать? – противно крикнул рядом ванькин голос.

Иван обрабатывал стеснительного парня в очках.

– Не, мне не надо, – боязливо упирался очкарик.

– Как, не надо-то? Бери! Глянь, какой лебедь!

– Куда он мне?

– В подарок. Или дома на столе поставишь.

– Да нет, спасибо.

– Не спасибо, а бери!

Кириллу на секунду показалось, что Иван сейчас с размаху треснет нерешительного покупателя по шее.

– Ну, я не знаю, у меня в вагоне деньги, – сдался тщедушный покупатель.

– И чо стоишь? Беги! Мы подождём. Хотя, постой, пойдем-ка лучше вместе. Сейчас же отправление дадут. Тебе коробку дать к нему?

– Давайте, – оторопело согласился побежденный пассажир.

Оба поднялись в вагон. По дороге из рук Киры шустрый и какой-то уж совсем похабно оборзевший Ванька грубо выдернул первую попавшуюся упаковку.

– Фу. Еле уломал козлину, – чуть позже счастливо кричал Иван, в последний момент оттолкнув проводницу и спрыгнув с уже перекрытых вагонных ступенек. Он с удовольствием показывал откровенные «факи» вслед уходящему поезду.

– Тебе не противно? – поинтересовался Кирилл.

– Противно конечно, я же таких «ботанов» ненавижу, но они в основном и берут, сдать же надо твоих лебедей, не домой же уносить, – по-своему понял вопрос начинающий успокаиваться дерзкий железнодорожный маркетолог.

– Здорово у тебя получается, – кисло похвалил Кирилл, на самом деле думая о том, что сам-то он и есть такой же вот «ботаник», только без очков. И при случае, такие как Иван влегкую впарят ему какую-нибудь ненужную ерунду, а он ее возьмет, испугавшись «наезда», избегая мерзкого конфликта. Птичий характер.

Больше в станционной торговле он участия не принимал. Друзья уже не приглашали, чему он был только рад. Да там и без него продажи расцветали пышным цветом.

Киру за это дело на заводе очень зауважали, иначе, как художником, теперь уже не звали. А сам художник недоумевал. Чувшь бессмысленная, по-сердцу сказать, какая-то плевая ерундистика, чепуха принесла ему настоящую славу и быстрое признание среди людей. Не сложные, многослойные лебединые картинки и холсты, а вульгарные, совсем простейшие бутылочные лебеди.

Пошленькая глупость неизменно популярнее умного искусства. Ничего удивительного. Картину маслом или кропотливую гравюру в поезде никто бы не купил, а вот десяток или даже сотня плоских ваз, конфетниц и кружек разлетались махом.

– Вы совсем чиканэ, что ли? А? – орал в лицо Кириющенко редко приезжающий на производство, в основном затем, чтобы «потрескать водки» с инженерами и бригадирами, совершенно не стесняющийся присутствия рядом бригады в полном составе, бешеный директор Арамыч. Как только он отворачивался, дядька Назар ловко пародировал крикуна, корчил умогительные рожи, выпучивал глаза, повторял угрожающие жесты. Артист!

Ничего не замечая, коротконогий обрусевший армянин громко негодовал. Но никто его не боялся. Он, как странный волосатый мячик из дурацкого заграничного мультфильма, подпрыгивал на месте, грозил маленьким кулачком, кривил пухлые губы и брызгал в сторону собеседника кипящей слюной. Кира слышал о нем ежедневно, но увидел тогда впервые. Какой-то мультик, а не директор.

– Допились уже, блин, до зеленых лебедей! Кто у вас это делает?

– Арам Ильич! Да это ученик... в перерывах... из брака... Нельзя что ли? – примирительно объяснял Назар.

Директор тут же проиллюстрировал молву о своем крикливом, но добродушном и отходчивом характере. Рассеянно улыбнувшись в ответ лукавым ухмылкам работников, спокойно взял с лотка готовую вазу и принялся рассматривать ее на свет.

– Из брака можно! Хоть чертей. Но, зачем?

– Красивянски. Баско.

– Баско, баско... Красиво, не спорю, – улыбнулся во всё круглое лицо Арам Ильич и сразу нахмурился, – а головы у них неправильные. Эмблемы нашей нет. Где «Бэ-Сэ-Зэ»? Нет «Бэ-Сэ-Зэ»! Делайте, ладно, но эмблемку оставляйте. Поняли?

– Так она же на венчике.

– Вот вместе с венчиком и оставляйте. Красиво будет. Еще и винтовой попробуйте подделывать. Хорошая реклама нашему заводу будет, может быть.

– Бутылочное горлышко на вазе как-то странно будет смотреться, – возразил Назар.

– Это ваза?

– Ваза, ну. Для фруктов, для конфет.

– Я думал – фляжка. Ничего, нормально будет. Делай только с венчиками. Понял?

– Понял.

– Вы лучше из брака фляжки еще придумайте. Вот где красота!

После этих руководящих указаний Арамыча надобность участия Кирилла в доработке ваз совсем исчезла, простенькую форму-заготовку все умели делать без него. Юра, изначально похваливший всю затею, новые бутылочные морды жарко и брезгливо раскритиковал, говорил, что это – китч, долго и путано объясняя значение странного слова. Друзья вдоволь поржали, поязвили, поприкалывались вечером, но уже ночью резво впаривали новый товар на станции. Бутылочные лебеди хорошо продавались, пассажиры много смеялись и много покупали.

Кира со случившимися коррективами лебединых форм примирился просто. Ну и пускай бутылочные головы, силуэт-то прежний. А вместе – необычно как-то получается и даже авангардно.

Мама тоже высказала недовольство, но совсем другое:

– Цыпка, цыпка ты, Кирушка, у меня. Ты все придумал, а зарабатывают теперь другие. Раньше хоть они тебе какую-никакую копеечку за головы платили, а теперь все сами делают. Сами ляпают и сами продают. Арамыч вон про фляжки говорил. Может, поделаешь?

– Мы с дядькою Назаром пробовали. Нет, не получается. У нас же линия бутылочная, как ни изгалялись, всё выходит стеклобутылка, а не фляжка, полую форму не держит, – отвечал Кирилл.

– А так бы и директору бы угодил, и денег заработал бы.

– Я и так нормально зарабатываю. Меня Кирущенко перевел из составного цеха к агрегату. Стеклобой уже не сортирую, с грохотами не вожусь, кнопки нажимаю, за приборами смотрю.

– Куда перевел?

– От шихты сразу на линию.

– И что?

– На семьсот рублей больше теперь будет.

- А Ивашка где работает?
- Все там же, в составном, на конусе подсобником, на транспортере или на магнитном сепараторе иногда.
- А ваза на вокзале сколько стоит?
- Ванька по пятьсот сдает.
- И часто ходит?
- Каждый день.
- Вот видишь, люди тысячами зарабатывают за день, мотоциклы покупают, а у тебя – только семьсот рублей за месяц плюсом. Немного разживешься.
- Мы вдвоем его купили, на двоих. Ваня же сначала и мои вазы продавал.
- Как это вдвоем? Как на двоих? Он же один ездит.
- У меня просто времени нет, я же пишу.
- Что пишешь?
- Ну, рисую.
- Дурачок ты маленький! Иван теперь и с мотоциклом, и Наталья рядом с ним. Вот кто своего не упустит, еще и чужого подгрет. А раньше-то она всё у тебя на чердаке сидела днями, смотрела, как рисуешь. На мотоцикле ей поинтересней, баше, да? Надоели ей, видать, твои лебеди.
- Мама...
- Ой, молчу-молчу. Рисуй пока, конечно. Вроде, рановато бабье себе заводить, только поздно бы не стало. Нелюдимому по жизни тяжело жить, сынок. А рисование уводит от людей. Не накормит рисование досыта и девку не приманит, так и знай. Взрослеть тебе пора, а ты рисуешь, как мальчишка.

Кирюша упирался мыслями, думать не хотел о маминых нотациях, и все же постоянно думал. Как же это рисование «уводит от людей», когда оно для них? Измучает художника, обрадует людей, те поблагодарят, художник и порадует. Вот оно зачем, искусство. Только для людей.

«Потом подумаю, космического лебедя закончу и подумаю нормально, – планировал Кирилл, – а то, когда пишу, не получается соображать, когда соображаю – рисовать. Ни там, ни здесь не получается. Вот интересно, когда я рисую, я живу? Много часов провожу где-то там, не здесь. Я ж там только чувствую, не думаю совсем. Времени там нет. Там и не надо думать, там только линии, пространства, краски, свет и тени. Все это не здесь. Не буду новых лебедей начинать, закончу этого, обязательно остановлюсь, подумаю и всё решу. Действительно же, раздружился я с друзьями за последний год».

Начало долгожданного отпуска стало началом череды непоправимых неожиданностей. Внезапно вывалилась вереница непредсказуемых необходимостей, без которых было не обойтись, которые было не обойти.

В первое свободное утро, первым делом, Кира тщательно вымылся.

Писать, как сочинять или играть, необходимо в чистом теле и свежем белье. Иначе запахи грязноватого туловища по-любому проявятся в картинке, в тексте, на подмостках, на экране. Элементарный секрет полноценного творчества. Отдушка смрада, как ни поливай её парфюмом, как ни наряжай в модные трусы со стразами и расфуфыренные перья – всё получится как в телевизоре: вонючий петух под страуса. А это – стыдно в сути, это же – заметно, это – просто дурно пахнет.

С утра пораньше сам натаскал из колодца полный бак воды для бани и полное корыто для купания в саду. Не завтракая, прогрел баню, срезал свежий веник с кроны дворовой березы, для чего пришлось карабкаться на самый верх, туда, где зелень посветлее. С упоением прожарился в парилке, нахлестался веником до бурой красноты, нырнул в корыто. Остывая, долго смотрел небо. Глубокий монохромный синий цвет без обычных облачных вкраплений белого.

Прекрасно. Несколько раз прыгал из темного жара парилки в ослепляющее остро-желтым солнечным отражением корыто и обратно.

Потом уютно упаковался в белые хэбэшные плавки, надрызгался прохладного молока, остыл, высох, побелел. Разыскал в мамином шкафу упаковку с новеньким спортивным костюмом, таким же синим, как сегодняшнее небо. Во время одевания, отпотевающее зеркало предбанника отразило только чистые краски – коричневые стены, белое тело, синий костюм.

«Ай, как же четко всё в жизни и просто», – думал Кирилл, закатывая рукава.

А потом несколько часов тихо просидел в мансарде, бездумно глядя на свое полотно, лишь иногда меняя ракурсы просмотра или дистанцию. Прикасаться к кистям, мастихину, палитре и краскам совсем не хотелось, уж, тем более, что-то дописывать-править.

«Неужели закончил? – улыбнулось в мысли робкое удовольствие. – Не буду трогать. Отнесу сегодня в клуб, пускай Юра посмотрит. Надо же... Закончил... А еще вчера настраивался писать и переписывать весь отпуск».

Повесив неодетую картину на стене фойе, Петрович поначалу долго заседал напротив и молча смотрел. Слегка волнующийся живописец даже заскучал.

– Завтра сделаю багет. Здесь актуален только белый и совсем простой, строгий, но широкий, – не отрывая зачарованного взгляда от холста, как бы проснувшись, полушепотом пролопотал потрясенный Юра. – Опять лебедь. Может, и правильно не стал ты учиться. Нечему тебе учиться, парень, только писать и писать. Ты уже художник. У каждого большого художника есть неясная для всех, только ему понятная чокнутость. За нее сначала очень критикуют, а потом именно за нее и любят. Как говорится, за что долбят, за то и наградят. Ты просто «повернут» на лебедях. Оно и славно. Что это за созвездие?

– Так, просто звезды, – откашлялся Кирилл.

– Ты что, такое не с натуры написал? – изумился учитель.

– С натуры только края озера и сопка, небо с отражением выдумал.

– Но это же какое-то созвездие?

– Какое?

– Балда балдой! Послушай, ты, дремучий гений, ты хоть понимаешь, что ты создал? – начинал привычно кричать Петрович. – Завтра утром делаю багет, потом набираю в библиотеке кучу астрономических атласов и в субботу после уроков, всей студией садимся выяснять, что же ты такое намалевал, на что это походит. А не найдем, полезем в интернет. Хорошо?

– Хорошо.

– Как назовешь?

– Я думал: «Звездный лебедь».

– Нет, не красиво. Это же явно какое-то созвездие. Значит, это слово обязательно должно присутствовать в названии. «Созвездие Медведицы», к примеру. Понимаешь?

– Понимаю. Но это не медведица.

– Сам вижу. Вот когда по атласам аналоги порою, тогда и назовем произведение красиво. Если, конечно, автор возражать не будет. Не станешь возражать?

– Не, не стану, – неуклюже рассмеялся Кира.

Весь остаток дня довольный автор шатался по пустынному поселку. Вечером почти уже направился в сторону дома, но зачем-то повернул к плотинке.

Кирилл не понимал, отчего он так часто ходит на заводскую плотину. Он там попросту сидел и ничего не делал, не думал, не придумывал картинки, честно говоря, даже не любовался и не пробовал запомнить графику и краски закатных панорам. Просто смотрел.

Медитативное место. Буквально рядом, за спиной, безостановочно стучит и гулко надывается завод, шумно снуют по десятку дорог и тропинок машины и люди, а здесь – лишь тишина, вода и небо. Наверное, к ним и тянуло.

На его месте сидела Наташа.

– Приветтики-приветтики! – непривычно умиротворенно, очень по-доброму и щедро улыбнулась обыкновенно егозливая, всегда нахальная и резкая девчонка.

– Привет, – буркнул Кира, еще не разобравшись, смущается он или нет.

– Какое небушко красивое тут у тебя, – совсем по-маминому тихим вздохом пропела Натаха. – Теперь я поняла, зачем ты сюда ходишь. Час сижу. Насмотришься на небо, а потом рисуешь. Да?

– Да, – легко соврал Кирилл.

– Ну, смотри, смотри. Приходи вечером в гараж к Ивашке.

– Зачем?

– Просто.

– Я завтра приду, ладно? Завтра же суббота?

– Ну да. Приходи. Мы там каждый день тусуем.

В субботу неожиданности продолжились. С утра он опять скрупулезно помылся, хоть в том и не было никакой необходимости. Опять хотел прочувствовать спокойное блаженство ощущений четкости мира. Не ощутил. Обрывочные, скомканные мыслишки то роились и плясали в голове, мешая ясной мысли, то уносились, пропадали скопом, завешивая в голове какой-то вакуум безмыслия. Созвездия, Наташа, Юра, студия, завод, вокзал, художник, город, мама, люди, лебеди. Как много еще нужно было понять! Об очень многом надо было срочно поразмыслить, а он тупо сидел у недавно загрунтованного цианисто-белого холста, старательно, но вяло ворочал мысли, прислушиваясь к чувствам. Ни мыслей, и ни чувств. На душе было чисто и пусто.

– Ты зачем забрал картину? – гнежливо прокудахтал Юра на пороге клуба.

– Какую картину? – непонимающе спросил Кирилл.

– Ту, для которой я два дня багет готовил. Созвездие. Там нечего дописывать, нужно одеть и выставлять. Она готова, понимаешь? А лучшее – враг хорошего. Если дописывал, мог и испортить. Где она?

– Не знаю. Я не брал.

– А кто же взял?

– Не знаю.

Оглушительные поиски картины, бурную деятельность по опросу клубных вахтеров, трескучую ругань случайных людей и бестолковую беготню студийцев Кира слушал вполуха и наблюдал вполглаза. Нет, не расстроился, не загрустил. Отчетливо и ясно понял, что космического лебедя уже не будет, всё, не увидятся они с ним больше. Первая четкая мысль за день. Что-то поменялось на свете.

– Нет, Кирюша, не нашли, – совсем уж вечером, чуть не плача, доложил Юра Петрович, – завтра будем снова искать. Ты как?

– Нормально. Не переживайте. Я еще напишу.

– Повторять произведения, обычно, мало кому удается.

– А я не буду повторять, я нового придумаю, совсем другого.

– Ой, беда, беда. Я же попросить тебя хотел, а тут эта покража. К нам на той неделе профессиональный театр приедет из города. Нужно бы макет для пригласительных сделать, я бы их завтра отсканировал и распечатал принтером. Билетов-то у нас нет, спектакль целевой, типа, от завода, Арамыч всё оплатил. Боюсь, как бы наши «местные жители» бардак бы в зале не устроили. Я маркером места пронумерую и раздам приглашения. Вот и будут как бы билеты. Начеркаешь мне макетик, тем своим шрифтом?

– Конечно, дядя Юра. Сегодня?

– Лучше бы сегодня.

– Хорошо. А как спектакль называется?

– Сейчас посмотрим, как-то по-дурачки, – медленно вымолвил Юра Петрович, листая страницы пухлого ежедневника, – как-то очень глупо и негармонично. Ага. Нашел. Скотный двор. Комедия. Ну, для комедии оно простительно.

– Настоящий театр?

– Да. Говорят, что даже знаменитый. Но я о нем знать ничего не знаю.

– И я не знаю.

– Вот и познакомимся с прославленным искусством. Ты придешь?

– Приду.

Отрисовав макетик, тусить в гараж к Ивану Кира не пошел, даже не вспомнил о тусовке. Доплелся до дому и рухнул спать, как будто отстоял три ночных смены. В коротком, путаном, сумбурном сне увидел многослойную картину дневных недодуманных образов. Сбивчиво мелькнули созвездия, Наташа, Юра, студия, завод, вокзал, начертание «художник», выполненное его собственным шрифтом, город, мама, люди, лебеди. Какая-то неразбериха, а не сон.

В обед его разбудили Наталья и Ваня, бесперемонно вломившись в акварельный полусон реальными новостями. С самого утра они, оказывается, организовали кипучее расследование хищения картины. Преступление было раскрыто! Во всяком случае, оба юных детектива орали о том в один голос.

– Ну-ка, нарисуй мне схему, что там, на краденой картине у тебя нарисовано! И точные размеры укажи, – сунул Иван сидящему в одеяле, едва продравшему глаза Кириллу авторучку и толстую тетрадь в клетку, – надо точно знать, что это именно она.

– Вы что, ее уже нашли? А как вы узнали? – поразился Кирилл скоростям следопытов.

– Плохие новости у нас в Будылино моментом разлетаются. Мне еще вчера все рассказали, – мило хихикнула Наташа, – а утром и Ивашка уже знал.

– Вставай, давай! Рисуй схему! – потребовал Иван.

– Какую схему-то?

– Какой ты трудный! Просыпайся! Что там было нарисовано?

Кирилл мгновенно набросал основные черты композиции и протянул тетрадку другу.

– Вот. Только небо там черное и звезды в нем.

– Понятно, опять лебедь. Почему ты только лебедей рисуешь?

– Не знаю, пластика красивая.

– Что в них красивого, не понимаю. Гуси и гуси.

– Нет, гуси другие.

– А ты живьем-то лебедей хоть видел?

– Нет пока.

– Не видел, а рисуешь. Типа, фантастика, да?

– Не знаю.

– Ладно. Где размеры-то?

– Точно такой же холст, – зевая и мощно потягиваясь, извиваясь и вытягивая обе руки с оттопыренными указательными пальцами в сторону мольберта, ответил веселящийся Кира.

– Идиотина. А как же я размер узнаю?

– Сам ты идиотина, – смеялся Кирилл, – там же лежит рулетка.

Ванька взялся измерять пустой холст, приговаривая:

– Так-так-так, восемьдесят на сто десять.

– Правда? – покатывался со смеху Кирилл. – Ну-ка, посмотри, что там написано на обороте?

– Дурак ты, Кира и не лечишься. Сразу, что ли, не мог сказать?

– Оба вы дураки, – потешалась Наташа.

Друзья доложили первые результаты расследования. Главным подозреваемым был выбран гражданин Арам Ильич Сарьян, не внушающий никакого доверия директор завода,

аккурат в день происшествия подозрительно быстро вывезший из клуба несколько листов фанеры. Между этими листами вполне могла уместиться кирина картина. Теперь предстояло только попытаться, куда коварный похититель ее припрятал. Все дела.

Кирилл был счастлив, как наевшийся котенок. Он радовался даже не туманной перспективе возвращения произведения, а ярко проявившимся друзьям. И как он мог так долго с ними не встречаться? Точно, идиотина.

Весь день они развлекались гонками на мотоцикле с перерывом на поесть и искупаться. На закате великолепно, по-взрослому, напились в гараже. Кира не пил ни разу в жизни, не пил и в этот раз. Он просто упивался хмельными разговорами, дурашливыми шуточками, ясной радостью. Соскучился по четкой прелести элементарного общения.

«Больше никогда не буду нелюдимым. И вправду, тяжело нелюдимому живется» – пообещал себе Кирилл.

Мудрый Юра оказался прав. Как же толково и вовремя он выдумал напечатать приглашительные билеты! Шумная орава нарядных зрителей, желающих посмотреть спектакль, едва-едва уместилась в зале. При этом рассаживание прошло весьма спокойно, чинно, как в реальном театре. Не будь приглашений, была бы хаотичная толпа, штурмующая сельский клуб, а так – настоящая театральная публика.

Усевшись во втором ряду рядом с Наташей, Кира не к месту вспомнил, как они вчера купались на той стороне озера. Липучка влажного купальника в один момент бесстыдно выявила самые сокровенные линии гармоничного наташкиного тела. Немного тушевался, а ведь пристально смотрел, прекрасно понимая: ей приятно, что он смотрит. Ей и теперь было приятно, что он рядом, это чувствовалось.

С первой секунды спектакль оглушил, потряс, взял за грудки и здорово встряхнул. Со сцены хлынул мощный водопад из модной музыкалки с барабанами, живописного света, колоритных фраз и хорошо проработанной графической картинки, превосходно соединяющей статику декораций с динамичными фигурами артистов. Какие молодцы!

Актеры много говорили, бегали, дрались, кричали, пели, но их слова тонули в этом бурном «театральном шторме». Играли что-то будто бы из деревенской жизни. В зале уже посмеивались, а иногда и хохотали. Значит, комедия.

Кирилл не очень-то следил за сюжетом, его пока радовала превосходная декорация, собранная из разных оттенков белого, а еще – необычные вязаные костюмы в охристой гамме. Какой-то ведь художник им все это подсказал, не сами же придумали. Только вот собачьи ошейники, намордники и поводки на некоторых исполнителей он зря нарядил. Зачем?

Примерно к середине спектакля народ в зале уже безостановочно смеялся, даже исступленно ржал почти на каждое движение, происходящее на сцене, или на слово, прорывающееся сквозь музыку и крики. Только Кира мрачнел.

«Зачем же они так себя уродуют? Уродливости не должны смешить. Зачем на всех артистах появились кожаные шлейки, нахрапники, удила, хомуты, уздечки и другая конская упряжь? К чему эта толстуха надела на себя седло со стремянами? Имеется в виду „бред сивой кобылы“ или „корова в седле“? Какого лешего у них в руках хлысты, кнуты и плети? Зачем в такой веселой постановке эта сбруя?» – угрюмо удивлялся Кирилл.

Внезапно парень осознал, что бешеный табун вопящих актеров пытается играть нечто именно из его, кирюшиной, жизни. По сцене ходили мама и отец, постоянно прикладываясь то к граненому стакану, то к большой бутылке с мутной жижей. Брага имелась в виду, или самогонка? Выпив из одной посуды, сразу хватались за другую, то за пластиковый ковшик, то за алюминиевую кружку. Был там и он, как бы пока непьющий. Был уже нормально попивающий друг. Были персонажи, похожие на Юру и Наташу, на Арамыча, на Кирющенко. Все они тоже упивались, нажирались, квасили. К финалу исполнители повесили себе на шеи крупные коровьи колокольчики.

«Как же они нас не любят! Какое-то вранье, а не театр. Комедия реальности придурков. Это же не о нашей жизни? Как так-то? Не пьем мы так, и не живем в таком угаре. Что они о нас вообще могут знать? Бессовестные. Зачем намордники-то нацепили?» – думал Кирилл, вместе со всеми хлопая в ладоши.

В фойе к нему подскочил взвинченный Юра Петрович и застрекотал:

– Смотри-ка ты, всем нравится! Вот, вот оно, постмодернистское мурло во всей красе, так оно и выглядит! Это же неумехи, шарлатаны. Настоящему театру не научились, вот и корчат авангард. Не театр это, а теарт, талантливо декорированная ложь. Но ты же понимаешь? Помнишь притчу о трех слепых мудрецах? Когда старцы заявили, что слон походит на колонну, на змею, на бабочку. Такое впечатление, что от сегодняшних молодых и слепешарых авангардистов слон давно сбежал, и они подробно ощупывают кучу слоновьего кала. Ведущая идея пост-модерна: «слон – дерьмо, но очень живописное». Понимаешь? А что такое слон? Да это – жизнь!

Едва начавшийся разговор прервал взволнованный Арам Ильич, ухвативши Кирилла за пуговицу рубашки:

– Слушай, мальчик, беги скорей на производство и бери там восемь ваших ваз на подарки артистам. Нужно восемь! Пока они переоденутся, пока банкетик, пока то да сё, успеешь. Видел их автобус?

– Видел, ну.

– Туда и принесешь. Беги.

Прикинув время, Кирилл пошел на завод не сразу, сначала завернул домой переодеться в выпускной пиджак и новые джинсы. Все-таки с артистами встречаться, надо выглядеть приличней.

В составном цехе у ночной смены шел технологический перерыв. Подальше от грохота, на банкетках сидела бригада. На столике (один в один, как и в театре) стояла двухлитровая бутылка нефilterованной бражки, закуска, кружки и обычные бутылки с водкой.

Уже изрядно «тепленький» Кирющенко вещал:

– Да какие вы, блин, стеклодувы? Тоже мне, стеклодувы-стекловары. Фигу! Стеклобой вы мои родные! Стеклобой вы тут все! И всё! Ни одной же смены не прошло, чтобы кучу боя не наделали. Так и есть – стеклобой! Бряк, звяк – готово дело, делу – край. Так стеклобутылку не работают, ее так только в гастрономах грузят. С нею нежно надо, ласково, как с девушкой. Особенно, пока горячая.

– Дядь Назар, мне Арамыч приказал забрать восемь ваз на подарки артистам, – решил прервать красноречие хмельного бригадира Кирилл, хорошо помня, как подолгу могут длиться эти лекции.

– О! Художник! Чо пришел?

– Арамыч приказал взять восемь ваз.

– Зачем?

– На подарки для артистов.

– Каких артистов?

– К нам театр приезжал, спектакль показывал.

– Бери, что за вопрос?

– Мои не трогай, я свои не дам, – вклинился в их диалог Иван, заедающий рыбкой только что выпитый стаканчик, – мне их и так не хватит.

– Мои бери, художник! Я на вокзал редко хожу. Потом, когда-нибудь мне сделаешь. Но только те, свои, которые с нормальной головой. Из отпуска вернешься – спокойно изговоришь и вернешь. Договорились? Дать тебе пакет?

Бригада разбрелась по участкам, раскатисто завывали грохоты и транспортеры. Кирюша изначально начал было собирать нормальных лебедей, однако, вспомнив жесткое распоряже-

ние директора, заменил их в пакете на китчевых уродин с бутылочными венчиками вместо голов. Нужно было убегать, а он зачем-то присел рядом с Кирющенко, наполнявшим в тот момент душистой брагой очередную кружку.

– Будешь? – призывно спросил бригадир.

– Назар Андреевич, а у вас водка есть?

– Есть! И предлагаю ее съесть! Тебе насыпать?

– Ну, – кивнул Кирюша.

– Вот правильно. Давай-ка, пацан, нахлобучь стакашку как положено! Обрадуй душу, а то такая физия у тебя, как будто кто под носом дерьмом мазнул. Ты тресни водочки и все пройдет. Что ты так накуксился? Чего случилось?

– Ничего, – вяло улыбнулся парень и, не поперхнувшись, проглотил жаркую горечь первой в жизни водки.

Группа актеров и еще каких-то театральных людей курила у автобуса, маскируя дымку перегара сигаретным дымом.

В нескольких шагах от них мялся Кирилл с пакетом ваз в руках и не осмеливался подойти. Он будто онемел, давно он так себя не чувствовал. А впрочем, он не чувствовал себя так никогда. Артисты гоготали, целовались, перепихивались, кашляли. Он взглядывал в их сторону, он ждал, пока они начнут входить, усаживаться.

– Здравствуйте, – остановил Кирилл направившегося к автобусной двери последнего артиста, вдруг неожиданно для самого себя, представившись, – меня зовут Кира Будылин.

– И что? – рассмеялся тот. – А меня зовут Евгений Нильский. Хотя, понятно. Кира, да? Отличное имечко к фамилии Будылин. У вас в Будылино, наверное, все Киры?

– Нет. Мне кому отдать подарки? Арам Ильич просил вам вазы передать.

– А кто такой у нас Арам Ильич? – все больше веселился артист.

Из автобусных окон заинтересованно смотрели другие страшные актеры. Несколько актрис с довольно грубыми, абсолютно карикатурными лицами, напоминающими африканские маски, даже специально вышли и опять закурили.

– Директор завода, Сарьян, – жалобно проблеял Кира, люто возненавидев и себя, форменного глупца (ходил, дурачина, наряжался), и нахального Арамыча, и беспардонный «театр наглых страхолюдин».

– А, маленький Армяшка-обаяшка? Как же, как же. Мы с ним подружились. Где подарки?

– Вот.

Кира протянул собеседнику одного изумрудного лебедя. Повальный гогот некрасивых гастролеров, почувствовавших свежее развлечение, ради такого дела выпавших из автобуса и обступивших без того скованного дарителя со всех сторон, омерзительно лязгал в ушах.

– Какая же это ваза? Это пепельница, друг дорогой! – прыснул Нильский. – Ты нам лучше расскажи, кто у вас там кричал и кудахтал весь спектакль?

– Это птичник, он сразу за клубом.

– А, вот в чем дело. Надо было тогда «Лебединое озеро» или «Гадкого утенка» вам тут сыграть, самое-самое место! – саркастично пошутил артист, вызвав новый шквал обидного смеха коллег, стремительно занырывающих обратно в салон разворачивающегося автобуса. – Ну, ладно, Кира, мы поехали, спасибо за подарки. Будь здоров! Много не пей! Пока-пока!

«Чего они вазы-то не взяли? – думал Кирилл, глядя вслед уезжающему театру, – ну, допустим, не понравились подарки. Могли бы взять, сказать спасибо, потом бы выбросили потихому. Ах, да, спасибо этот, Евгений Нильский мне сказал, но вазы не забрал. Куда мне их теперь?»

К горлу резко подкатила то ли водочная муть, то ли отчаянная досада. Широко размахнувшись, он шмякнул идиотскую вазу-пепельницу об асфальт. Под ногами, широким веером разлетелись стекольные брызги. Стыдные слезы отступили.

– Как так-то? Вот зачем ты так? Так что ли надо? – неизвестно у кого спросил Кирилл, криво усмехнувшись. В нем начал закипать яростный хмель.

Раскачав мелодично позвякивающий стеклом пакет, он дико улыбнулся и с явным удовольствием грохнул им о землю.

– Пожалуйста!

Дальше он уже не особенно соображал, что делает. Просто знал, что сделать это нужно. Вернулся в клубное фойе, неторопливо вынул из багетов все свои лебединые листы и картоны, аккуратно развесив пустые рамы по местам. Пересчитал. Семьдесят одна картинка!

– Дяде Юре завтра скажите, что это я забрал свои рисунки. Ладно? – доложил у выхода сонной вахтерше и пошел на свое место, на плотинку.

Над озером висела беспросветная летняя ночь. В темной поверхности медленно текущей воды плескались звезды.

До самого рассвета Кира неспешно «отпускал лебедей», сминал очередной листок, бросал его как можно дальше, чтобы попасть в течение. Смотрел, как белый силуэт плывет кораблем до верхней кромки водопада и ныряет вниз. Красиво.

Хмель уходил, выветривался, медленно тонул в тиши простого дела и простого пейзажа. Когда за сопкой начала разгораться робкая заря, и по воде поплыл рассветный розовый туман, листы закончились.

А совсем уже под утро за его спиной кто-то появился. Кирилл сразу почувствовал на себе чей-то пристальный, но совсем не беспокоящий взгляд и оглянулся. По тропинке тихо спускалась Наташа.

Не говоря ни слова, она спокойно села рядом, уютно прильнув к его плечу. Он не удивился, осознав, что ждал ее все это время, вот она и пришла.

Теперь Кира прекрасно понимал, как и что нужно будет сделать сейчас, зачем все это, и как ему надлежало жить дальше.

...

Я купил эту картину спонтанно и странно, за какие-то гроши у очень юного и столь же беспардонного торговца на безымянном полустанке ночью. Купил затем, чтоб только отвязаться от навязчивых предложений приобретения традиционного в наших железнодорожных широтах сувенирного барахла. Купил, чтобы скорее заткнуть нависший на ушах отвратительный гусиный гогот разнузданного торгаша и уже покурить спокойно. Даже не увидел толком, что беру.

Когда удрал со станционного базара в тихое купе, холст на подрамнике запихнул в пустую полку. Был свято убежден, что покупка там и останется на веки вечные. Вот был бы я хорош, не погляди на картинку утром!

Всю ночь со мною рядом, прямо надо мной, на пыльной верхней полке ехало высокое искусство. Мастерская, пронзительная, ясная и драматичная живопись. Пожалуй, самая грандиозная работа моей небольшой коллекции. Могу часами на нее смотреть, с разных дистанций отживая новые и новые детали. Гениально!

Где он, тот неведомый автор? Что с ним?

Коллеги-коллекционеры и напористые галеристы как с цепей посрывались. Наперебой скандируют: найди, мол, предъяви нам этого мастера! Я бы и предъявил, да как его теперь отыщешь? Сам он много лет не проявляется, а ехать в поисковую экспедицию по сотням мелких населенных пунктов от Ярославля до Казани – авантюра. Название искомой станции не помню. Даже приблизительное время той ночи безнадежно не запомнилось; ночью это было, ночью. Попробуй, очерти круг поисков. И ведь не факт, что он именно там живет. Да и вообще, жив ли? Нет, однозначно авантюра, тут и думать нечего.

Так и запомнится он в каталогах редких выставок частных собраний под именем «Неизвестный художник, холст, масло, Россия, нулевые годы, XXI век». Название холсту придумал я. Теперь произведение зовется «Созвездие Лебедь». Есть у него и домашнее прозвище – Cygnus.

Пришлось слегка помучить мозг, допытываясь, что за звезды сконцентрированы в центре композиции. Автор, явно, был с астрономией накоротке. Это же лебедь из «Уранографии» 1690 года! С почти такой же изломанной и странной пластикой, как в атласе Гевелия.

Но только графика моей картины вся соткана из света, в ней нет линий, лишь отблески, блики и потрясающее звездное сияние. Чудесно. На небе – лебедь, а вот в отражении – крест из обрывков лебедя, растаскиваемый бурной рябью морщинистых волн. Вот вам и Северный крест! Драматично это всё, но живописно очень! Никакое фото-видео такой картинки не создаст. Подобного по телевизору не увидеть, лишь в жизни.

Театральные каверзы Повесть

1

Да не собирался он быть актером. В детском саду ему очень хотелось стать ассенизатором. Именно ассенизатором в детском саду – молодым хохотливым парнем, лихо подкатывающем раз в неделю к забору садика на грандиозной пузатой машине.

Хотелось так же заразительно смеяться над потешными детсадовцами, живописно развешанными по сетке забора, обзывать их карапузнёй, размашистым жестом двигать разноцветные рычажки и чудесным образом выволакивать из-под цистерны гибкий хобот сизой трубы, превращая машину в недовольно урчащего серого слона на четырех колесах.

Маленький Егор долго не мог запомнить мудреное название вожденной профессии, а потому, когда его спрашивали, кем станет, когда вырастет, звонко заявлял:

– Говновозом!

2

Ни о каком творчестве в детстве и юности не мечтал. Да он, похоже, и не мечтал никогда. На редкость удачная, спокойная школа быстро наладила хорошие отношения с точными науками, аккуратно оградив от обычных юношеских безобразий и драм. Все необходимые жизненные прививки были поставлены вовремя, так что болезни роста случались редко, протекали мягонько, а чаще всего вообще не случались. Счастливчик, у него были приличные учителя. Бывает же такое.

Лакомую радость познания он испытал в пятом классе и с тех пор не тяготился никаким обучением, даже стремился к нему, легко побеждая природную праздность. Обнаружив в себе интерес к изучению мира «через себя», пробовал думать о себе и людях, о себе и пространствах, о себе и явлениях. Думать понравилось.

Всех пятиклашек с весны перевели во вторую смену. Егорке теперь доставалась целая половина дня с утра до начала уроков! Тратилась «целая половина» на домашние задания, на Крапивина и Дюма, на Бажова, Свифта и Гофмана, на всякие неторопливые раздумья, на тортики и конфеты в процессе чтения, и на томатный сок вместо обеда.

Мама ловко, ненавязчиво выстраивала читательскую программу отпрыска. Вслед за мифами Древней Греции он проглатывал волшебные русские сказки Афанасьева, впечатлялся записками императрицы Екатерины Великой или княгини Дашковой, а после Сабатини и Дефо брался за потрясающие поморские были Шергина и Писахова.

С этих-то самых, запредельных книжных высот изумленный читатель и шлепнулся обратно в комнату, наполненную белым едким туманом резиновой гари. У входной двери истошно орал звонок. Кеды! Прежде чем взяться за книгу, он выучил уроки, выстирал новенькие китайские кеды и поставил их немного подсушиться в духовку газовой плиты. Подсушил!

Егор мигом распахнул сотрясаемую стуком дверь, ринулся на кухню, выключил газ и начал раскрывать окно. Вбежавший вслед за ним сосед из девятой квартиры, девятиклассник Паша, метнулся к раковине, зачем-то набрал полную кастрюлю холодной воды и плеснул на раскаленное духовочное стекло. Брызги, пополам со стеклянными осколками и паром, взорвались эффектным гейзером. На решетке догорал фантастический резиновый пирог с выжившими в огне ярко-красными тлеющими шнурками. Оба засмотрелись на колоритное зрелище.

– Так кем ты, говоришь, мечтал быть в детстве? Пожарником? Или пекарем? – начинал веселиться Пашка. – Мечты сбываются!

– Ассенизатором, – отвечал Егор, кое-как подавляя смешливые ноты.

– Кем?

– Ассенизатором, – уже озорно смеялся незадачливый пекарь-поджигатель.

– Ну, нет. С этим делом ты давай без меня. А ты зачем их туда запихал?

– Сушил.

– Высушил?

– Высушил.

– Молодец! – с деланной серьезностью похвалил Павел, отправляясь в комнату открывать окна.

Он с увлечением разглядывал разложенные по всем диванам, креслам, столам и стульям книги, учебники, тетради и ручки. Особенно заинтересовался учебником истории, открытым на последней странице.

– Учишься?

– Уроки учу, – смутился Егор.

– Молодчина, – искренне и уважительно проговорил старшеклассник, – герой и молодец! Может быть, расскажешь?

- Что?
- Все, что выучил. Как на уроке.
- Тебе?
- А чем я хуже твоих тупеньких одноклассников?
- Они не тупенькие, – обиделся Егор.
- Ладно, ладно, прости. Так расскажешь?
- Хорошо.

Собравшись с мыслями и духом, набрав полную грудь воздуха, Егор звучно протараторил сегодняшний и завтрашний параграфы по истории, потом задание по географии, потом показал решения задач, подкрепляя их необходимыми комментариями. Павел оказался слушателем благодарным, терпеливым, благожелательным, ни разу не перебил. Егор ожидал похвалы.

– Да, – через большую паузу заговорил Паша, – вроде все здорово, да что-то не так. Слушай, а ты не мог бы все то же самое рассказать еще раз, но только уже мне?

– Как это?

– Да так, просто. Без выражения. Садись поближе и рассказывай. Не декламируй, не ори, не тужься, не пыжься. Понимаешь? Без зубрежки. Но только так же быстро, а то я опоздаю на тренировку. Попробуем?

– Хорошо.

Проба оказалась удачной. На сей раз начинающий риторик говорил не вообще, а живо рассказывал хорошему живому человеку что-то новое, искренне делился узнанным. Тужиться и пыжиться, оказывается, намного трудней, чем просто рассказывать. В школу он тогда отправился в летних сандалиях, сочтя невозможным совершать весенний поход за знаниями под громышение тяжелых зимних ботинок, несколько подморозил ноги, заработал насморк и четыре самые памятные свои пятерки.

3

Егор вырос в человека домашнего, ежедневно завтракающего, часто смотрящего телевизор, гуляющего только ранними вечерами, редко мастурбирующего, много читающего. Университетские успехи воспринимал спокойно, успехами не считал и никаких восторгов по поводу наладившейся у него чисто плотной, системной, предсказуемой жизни не испытывал.

Он был красив, но, как водится, об этом не знал; был высок и легок. Лицо, волосы, ладони, тело и, казалось бы, незначительные, а в самом-то деле, очень важные составляющие прекрасного визуального образа – пластика, одежда, голос, запах, – как выражаются искусствоведы, безукоризненно и гармонично сочетались в нем «по массам».

Никто из близких так и не удосужился рассмотреть тело двадцатилетнего Егора, примеряя на него антично-скульптурные идеалы мужской красоты, и уж, тем более, рассказать о результатах этих примерок. А впрочем, не было у них никакой возможности для рассматривания телесных нюансов. Он всегда был одет.

Одна из крепчайших семейных традиций нашего большинства народонаселения – разгуливание парня по дому в трусах – воспринималась им как что-то неприличное, диковатое, странное. Каждое утро, помимо белья, надевал домашние джинсы и футболку, перед выходом из дома переодевался, вернувшись домой опять возвращался в домашнее, и только перед сном обнажался. Переодевания эти происходили в обязательном одиночестве, никаких наблюдателей не предусматривалось.

Но когда бы сопоставление состоялось, тут же обнаружилось бы очевидное отличие – удлиненные пропорции и сдержанная графика в тех местах, где у Давида и других мраморных ребят, излишне перекаченных, по мнению большинства девушек нашего века, располагается груда мышц. Егорова красота тоже была атлетична, но если ее и называть атлетикой, то очень легкой, даже элегантной.

Нет, никакой подиумной рафинированности, женоподобной грации или гламурной бисексуальности в этом атлетизме не было. Красив он был по-мужски, вернее будет сказать, по-юношески. Из подобных «вечных молодых людей» получаются красивые старики, редкость по нынешним временам неимоверная.

Стандартная мужская старость скверна, корява, безобразна. В этом он уверился еще в детстве, поскольку уже тогда начал внимательно смотреть за людьми и размышлять о людях.

Оттенки тлена проявляются в образе молодого мужчины на пороге зрелости и остаются с ним навсегда, как пара пожелтевших веток в кроне юного дерева ранней весной. Поначалу они лишь подчеркивают силу и свежесть. Но с годами, порой очень быстро, становятся основными чертами мужского портрета. Не ветки, конечно же, оттенки. Их не принято декорировать, скрывать или стесняться, многие ими даже гордятся.

Долгое ухаживание за собственным внешним видом и, уж тем более, многочисленные приемы дамской борьбы с некрасивостью почитаются у мужчин делом постыдным. Нормальный парень никогда не станет маскировать мимические морщины. Мыться, бриться, причесываться – вполне достаточная формула эстетизации современного мужского облика.

Ну и, конечно же, парфюм. Редкий мужчина обходится без любимого запаха, причем окружающие этого запаха никогда не почувствуют, поскольку не для них этот запах, а для собственных позитивных ощущений. Брызнул утром на кадык – весь день ощущаешь.

Мнение окружающих об актуальности модельерных изысков и портняжных премудростей в мужском костюме тоже учитывается в последнюю очередь. Модные тенденции и нарядная одежда – это для артистов, женщин и педерастов. Именно в таком порядке. Масса мужчин в этом смысле тщательно и точно следует стилю неряшливой, удобной простоты. Следовал ему

и Егор, быстро разобравшись в гендерных ритуалах своего времени и нюансах внешней атрибутики, отличающих мужчину нормального.

В домашнем зеркале Егор видел довольно симпатичное, но среднее лицо: русые волосы, ровные брови, светло-синие глаза, прямой некрупный нос, тонкие губы, острый подбородок, высокая шея. Ничего особенного. Своих больших, миндалевидных, чуть раскосых глаз, придающих лицу трогательное лисье обаяние, не замечал.

Зеркала почти всегда привирают. В них мы видим отражение, а не себя. Кому-то они незаслуженно подрисовывают пару-другую плюсовых черт, и человек начинает считать себя безусловным красавцем, а у кого-то снимают лишние, по их мнению, объемы или краски.

Зеркальные подвохи рано формируют наше отношение к своему лицу, и мы упрямо отбираем из тысячи личных фото десятков наиболее удачных портретов, хоть в чем-то похожих на привычное отражение. А ведь оно зависит не столько от зеркального перевертыша «правоналево», сколько от освещения пространства, в котором располагается зеркало и отражаемый объект, да еще от ракурса просмотра. Попробуйте перенести лампочку чуть выше или ниже, склонив голову набок, – из-за зеркального стекла на вас тут же посмотрит другой человек.

На самом деле Егор был красив чрезвычайно.

Фронтально, в профиль, во всех возможных ракурсах-полуракурсах его лицо оставалось неизменно прекрасным. Киношники называют такие лица киногиничными. Созревающие девочки вырезают их из модельных журналов и вклеивают в свои смешные дневники. Обычные мужчины (причем, всех возрастов) относятся к ним настороженно, ведь это редкость, а значит необычность, а значит – «не наш». Хоть и упрятана такая подозрительность глубоко в подсознание, но на реальные отношения с красавчиками влияет постоянно.

Большинство обыкновенных мужчин прекрасны чем угодно, да только не визуальным обликом. Их краткая миловидность, ежели она вообще существовала, остается в глубинах юности. Лет этак с пятнадцати они стремительно меняются, становясь кургузыми, грушевидными, мосластыми, пузатыми, кривыми, мешковатыми, пельменеподобными, рыхлыми, плешивыми или мохнатыми, оставаясь при этом сильными, выносливыми, добрыми, активными, волевыми, умными. Это почему-то называется возмужанием.

Мировое устройство в этом смысле понятно, вопросы остаются к замыслу мира. Ясно, что «с лица воду не пить» и «женщина любит ушами», но почему не сделать так, чтоб все отличные мужские качества находили бы зримое отражение в лице, одежде, теле?

– Мужская часть человечества в массе своей уродлива и нелепа, – бормотал озадаченный Егор, наблюдая по телеку очередной репортаж с очередного модного венчания очередной красавицы и чудовища. Мысли о телесной близости, предстоящей молодоженам брачной ночью, ужасали. После таких впечатлений он подолгу смотрел в зеркало, предполагая, как же сам начнет дурнеть.

И с гигиеной-то все у него было нормально, и с одеждой, и с учебой, и с любовными похождениями. Но чего-то существенного не хватало. Жизнь походила на вкусный обильный обед, поданный вдогонку не менее вкусно обильному завтраку. Даже самые изысканные лакомства в такой ситуации сытый желудок не порадуют. Очень хотелось свежих впечатлений, сочных ощущений, прекрасных неожиданностей, ошеломляющих событий.

Ничто произошедшее в последние годы до уровня событий не дотягивало. Монотонный банальный быт, ровное следование уверенным курсом в сторону тихой гавани какого-нибудь карьерного успеха и только время от времени туманное предчувствие перемен. Каких? Когда?

4

Артиста из него вылепила любовь. Как-то криво в этот раз все у него сложилось с этой странной любовью. Гейша была искренней, славной, давно ожидаемой, а вот ведь – повисла на нем как липкий водянистый снег, пригнувший вчера и так изогнутые городские деревья к блестящим медным проводам, остановив неуклюжие туши троллейбусов.

Очень странное чувство непосильной и даже нудноватой тяжести тормозило привычные бравурные ритмы беззаботных собутыльных встреч с веселыми однокурсниками, отвлекало от прекрасной книжной зауми и не давало насладиться одинокими вечерними уборками в блистательно чистой, собственноручно выдраенной и собственноразлично вылизанной квартире.

Раньше с любовью ничего подобного не происходило. Взгляд – улыбка – неловкий диалог – встреча – близость – прогулки – легонькая болтовня – легонькое расставание. Прелесть что такое! И никаких драматических переживаний. Погуляли, полюбили, разлюбились. Он, конечно же, предполагал счастливую семейную историю, когда вместе и навсегда, но пока получалось рядом и ненадолго.

Впереди была целая жизнь, и он ничуть не сомневался в том, что будет нормально любим, сам станет нормально любящим, выкормит нормальных детенышей и все будет хорошо. Кроме любви у человека есть ведь еще масса важных предназначений. Любовь – дело нехитрое; дружба-то или карьера посложнее будут. Тем более в юности, когда целый мир требует от тебя постижения. Или все-таки юность требует срочного постижения целого мира, надеясь быстро разобраться в человеческих предназначениях?

Подрастая, младенец стремительно постигает объемы кровати, комнаты, дома. Разобравшись с двором, ребенок тут же раздвигает пространство собственной реальности в границы соседних улиц, площадей, незнакомых районов и дальних городских окраин. Расширение мира возможно только в его личном присутствии.

Изучив и присвоив свой город, подросток начинает тянуться в другие города, регионы, страны, континенты. Книжные путешествия этих стремлений не утоляют, память настырно переносит экзотические литературные события в знакомые с детства места. Под дуэль благородного героя отводится соседний пустырь, королевский замок располагается в парке культуры и отдыха, а несчастная барышня тонет в обмелевшем городском пруду у радиозавода.

Юноша торопится сам, собственными ногами, глазами, носом ощутить и впитать в себя круговую панораму мира. Не каждому удастся вовремя пройти необычными дорогами, посмотреть на диковинные жилища других людей, уловить запахи иных земель. Многие застревают на уровне города. Где родился – там и пригодился. А дальше все в обратном порядке. Город – район – улица – двор – дом – комната – кровать и возвращение туда, откуда явился в этот мир. Поэтому и спешит молодой человек набрать мировых впечатлений.

Ах, как по-разному звучит одна и та же фраза, какие разительные смыслы транслирует!

– Мама, я пошел гулять! – кричал десятилетний Егор в сторону кухни и, не дожидаясь ответа, неся во двор.

Ответ настигал на вылете из подъезда:

– Чтобы в девять был дома!

– Мама, я пошел гулять. Буду завтра, – говорил Егор двадцатилетний, отпихивая от себя мамыны руки, поправляющие ворот куртки. – Пока, пока!

– Погуляй, сыночек. Пока.

5

Крепкий и громкий металлический лифт поднял его тогда на пятый этаж. Он ехал выносить мусор из квартиры, которую совсем недавно откусила университетская приятельница Светка. Грезился прекрасный вечер, в течение которого было необходимо не только весело разгрести завалы барахла прежних жильцов и сочинить безумные варианты ремонта, но еще, как говорится, и-и-и...

Зараза она все-таки. Стяжать такое жилье в самом центре! Да еще в таком доме. Завидовал. Прежде всего, наличию мамы – командира жилотдела городской администрации. Только такие крепкие мамы дают такие крепкие, сухие и очень довоенные дома с высокими потолками. Тогда он еще не знал, что и его мама уже почти сподобила сыночку крохотную уютную квартиру в панельной пятиэтажке на окраине. Квартиры, оказывается, здорово походят на мам.

Напитанный светло-желтой завистью, крутил медный барашек механического звонка, топал по паркету (крепкий!) и разливался восторгами в сторону микродерева, прилепившегося напротив кухонного окна прямо на крыше, прямо над кривым переулком.

Надувшись кофе из случайной кастрюльки и насидевшись на широком подоконнике (мебели-то еще не было), они заглянули в огромный куб комнаты, в центре которого сияла мусорная куча. Светлая и солнечная, она состояла из каких-то тетрадей, бумаг и неимоверного количества распухших детских альбомов для рисования. Поначалу показалось, что именно из нее на стены, потолок и за окошко лился нестерпимо желтый пыльный свет.

Жмурились и листали.

Вот тут долгое, подробное удовольствие археологов и мусорщиков резко потревожил образ бывшей хозяйки. Они вдруг осознали, что прикоснулись к праху чужой жизни, и заглядывались по сторонам. В комнате будто появился кто-то третий. Хозяйка? Стало ясно, что это она всю жизнь аккуратно подклеивала в альбомы и тетрадки тысячи газетных вырезок, снабжая каждую рифмованными словами. Неловко. Вот уже час они ковырялись в пожелтевших останках жизни недавно умершего человека.

Стихи были необычными, малосовершенными; каждому листочку – картиночка. Суежливые наследники не вывезли только их. Может потому, что малосовершенные? Как та кривая береза над переулком, уже почувствовавшая весну и обляпавшаяся жиденькой зеленкой нелепых липких листиков.

Однако же, весна тогда оказалась гораздо сильнее неловкостей и мистических образов. Присутствие простой весенней Светки приятно щекотало самолюбие, пробуждало виртуозное красноречие, рождало тысячи остроумных шуточек и наивно-задушевных бесед в кругу таких же юных, но пока еще беспарных друзей, гордо именующих себя собутыльничками.

Постоянно выпивать что-то алкогольное считалось в их кругу необходимым. Совсем непьющий студент непонятен, неинтересен, подозрителен. С точки зрения большинства однокурсников жизнь такого «пассажира» уныла и лишена сотни естественных радостей.

Егор, Серега, Виталик и Вадик любили соображать на четверых. Но разве это выпивка? Соображения недавних школьников хватало только на самый доступный сегмент алкогольного рынка. Несколько дешевых, быстро выветривающихся коктейлей, несколько банок светлого пива «на личность», несколько рюмок водчонки или коньячища «на харюшку» – вот, собственно говоря, и вся незамысловатая винная карта двадцатилетних гуляк. О сочетании напитков никто из них никогда не задумывался, легко перемешивая в миксерах своих крепких и плоских желудков всякую суррогатную дрянь.

Микс получался эффектным и ярким. Он позволял немного пошуметь, слегка побезобразничать на вахте, пошляться по соседним общежитским комнатам, смотаться в ночник, зацепить там свежих девчонок, полночи увлеченно проспорить о ситуации на курсе и о каком-

нибудь тривиальном нюансе профессии, что поутру подтверждал нуднейший семинар, этому нюансу посвященный.

Последний год повелось зависать у Егора. Общага находилась далеко от клуба, а егоркин дом вот он, рядышком. Три «однокомнатных» приятеля, с самого первого курса в любой момент великодушно предоставлявшие ему свое тесное общежитское владение на три койки, по выражению Виталика, «для отправления естественных физиологических надобностей молодого растущего организма», чувствовали себя в его доме как дома.

Одессит Виталий Шток шутил постоянно и со зверским серьёзом. Множа сарафанную славу об остроумии своих земляков, парень мыслил остротами. Не проходило и десяти минут, чтоб рядом с ним не раздавался взрыв хохота, за что преподы сурово карали его изгнанием с лекций. Егор все порывался за ним записывать, даже блокнотики специальные заводил, но потом бросил. Записывать надо ведь не только фразу, но и контекст, ситуацию, в которой она произнесена, интонацию. На бумаге от сотни виталькиных острот не оставалось почти ни одной достойной увековечивания. Но некоторые были просто шедеврами.

Как-то, собираясь на лекции после очередного загула, и внимательно разглядывая процесс натягивания Егором шерстяных кальсон поверх плавок, Виталик отечески произнес:

– Молодец, Егорушка! Чтобы спускательный аппарат хорошо работал, мальчик его должен в тепле содержать.

На вопрос, есть ли у него крем от клещей, Шток угощал пацанов, собирающих сумку для загородного пикника, фразочкой: «у меня только от прыщей». Посетив кабинет стоматолога, докладывал, что санация показала «период полураспада».

Чаще всего шуточки Штока касались популярной половой тематики.

«Егорино горе» – это о забытом впопыхах на самом видном месте, использованном презервативе. «Всю сантехнику простудит» – о слишком легко одетой девице, дефилирующей в короткой юбке по зимнему бульвару. «Сразу начала меня хватать за места общего пользования» – о своей очередной страстной подружке. Случались и уж совсем пионерские глупости. Вместо утреннего приветствия он тыкал пальцем Егору в грудь: «вот Егор», а потом в джинсовый гульфик: «и егоркин бугор».

Внятно дружили в их «узком кругу ограниченных людей», скорей всего, только Серега и Вадик. Оба крупные, длинноногие, и как многие большие люди, простоватые, наивные, добрые. Из Костромской области они привезли в университетский муравейник уникальную для безбашенных студенческих сообществ крепкую уверенную надежность, проявляющуюся в ровных отношениях даже с самыми закидонисными однокашниками и сквалыжными профессорами. Шток обзывал ребят жеребцами-производителями костромской породы, дразнил генофондом нации, требовал не расходовать попусту семенную жидкость.

– Это вон Егорке позволительно иногда полимонить Дуню Кулакову одинокими зимними вечерами, а вы обязаны брызгать прицельно и результативно, – корчил серьезную рожу Виталик, – чтобы в маленькой избенке у зачуханной бабенки родились жеребенки! Здешние девы таких коней с яйцами никогда не видывали, любая даст. Так что, парни, расчехляйте стволы и спасайте отечество. Презики вам теперь ни к чему, можете мне сдавать. Будете побеждать смертность рождаемостью. Информатики, блин, хреновы! Я бы вам диплом уже сегодня выдал, но только по одной дисциплине, по кинематике; красный такой, толстый и длинный!

После подобных тирад тощий Виталик с удовольствием получал от Вадика звонкую затрещину, безуспешно пытался вынуть приготовленный к прогулке стратегический запас презервативов из нагрудного кармана серегиной джинсовки, червяком извивался под усевшимися на него друзьями, приминался подушками и пискляво вопил на всю общагу о бандитском наезде понаехавших хулиганов-лимитчиков, удушающих самую перспективную интеллектуальную единицу математического факультета. В разных вариациях подобная разминка перед тусовкой повторялась постоянно.

Настоящая дружба костромичей вызывала зависть. Таким верным друзьям положено жениться на сестрах. Как же они тосковали друг без дружки, с каким восторгом встречались, вместе постигая неподъемную программу обучения пополам с примитивной наукой студенческих развлечух. Всякий день выдумывали себе множество общих дел, вовлекая в них новых подруг и остальных членов небольшого общежитского кружка.

Егор ни с кем не дружил, он ждал друга. Вроде бы и с коммуникативностью все у него было в порядке, и круги общения множились, а вот не находился никак человек, которому бы Егор Сергеевич Ланов был бы точно так же ежечасно важен, нужен, интересен. Как же так?

После каникул все неотвеченные вопросы растворились в потоке незапомнившихся событий. Из всего года он хорошо запомнил лишь один потрясающий разговор в своем доме. Всего за одну ночь кружок юных информатиков умудрился досыта наобщаться. Как потом выяснилось, на всю оставшуюся жизнь.

Собирались сначала, как обычно перед каникулами, вчетвером потаскаться по клубам, но гламурный бардак настолько всем осточертел, что решили просто посидеть и попить у Егора. Вечер сразу увел общение от бездумной болтовни. Говорили о родителях, о родных городах, о стране, о детстве, о любовных победах и поражениях, о мечтах и надеждах, о дружбе, о том, как они важны друг для друга и какие прекрасные перспективы связаны с этой дружбой. Дом наполнила откровенная серьезная значимость.

Егор припомнил милый пионерлагерь «Космос», в который до четырнадцати лет мама отправляла его на все лето, и немного рассказал о тех солнечных временах. Совсем забытая атмосфера исповедальных наивных рассказов про ребячьи секретикки ненадолго вернулась во взрослую жизнь.

6

С пионерским детством ему тоже повезло. Лагерь был стареньким, небольшим (семь отрядов), наполовину заросшим сосновым лесом и каким-то многоуровневым. Деревянные корпуса, спортплощадки, бассейн, клуб, столовая, баня и ритуальная площадь для торжественных линеек, обозначенная высоченным флагштоком с красным флагом, соединялись деревянными мостками и ступенями. Строители разместили домики на нескольких разновысоких холмах так, что фундамент главного корпуса приходился вровень крыше клуба. Между корабельными соснами, в узловатых корнях, лежали навалы огромных валунов и виднелись зигзаги скальных выступов. По камням часто носились юркие зеленые ящерицы.

Три смены пролетали в небольшом количестве обязательных в той стране официальных пионерских мероприятий и неимоверном числе нормальных детских дел – концертов, рыбалок, купаний, спортивных состязаний, дискотек, турниров на подушках, измазывании спящих девочек зубной пастой, убеганий с тихого часа, прогулок за территорией, дружб и любовей. Коллектив молодых воспитателей и вожатых смотрел на естественные шалости пионеров сквозь пальцы, сам повсеместно нарушая режим.

Подрастающему Егору нравились пионерские ритуалы и детская советская атрибутика, добавляющие в картинку отроческого бытия краски театрализованной патетики. Он с наслаждением отутюживал алый галстук, наряжался в белые высокие гольфы, широкие синие шорты, слепающую снежным крахмалом рубашку с нашивкой на рукаве в виде пионерского костра, и с особенным шиком пристраивал на макушку атласный прямоугольник красной пилотки. Форма приобщала к заманчиво важному, сильному, хорошему. Он чувствовал себя козавочной, но уже частью пока малопонятного понятия «прогрессивное человечество», радостно выкрикивал ритмы речевок, шагая в строю, искренне салютовал флагу и старательно орал песню о старом барабанщике, не особенно вникая в ее смысл.

Именно в лагере Егорку научили популярной игре под названием «спичка». Сложных игровых основ она не содержала, служа простым поводом вдоволь пооткровенничать и, ощущая в центре груди теплое удовольствие, прямо пообщаться о чем-то главном. Все садились рядом, зажигали спичку и быстро передавали ее по кругу. Тот, на ком она гасла, должен был честно, как на духу, рассказать что-то важное, посвятить в тайну, ответить на любой вопрос. Выяснилось, что и ребята прекрасно о ней знают.

7

– Ну что, пионеры, вспомним лагерное детство? – предложил Егор.

Сергей сразу уронил не успевшую разгореться спичку. Пришлось под большим секретом рассказать о почти написанном черновике его первой книги, которую уже читала кафедра. Удивительнейшим образом, самые вменяемые педагоги не только высоко оценили его измышления, но даже добавили немного своих, и теперь заставляют перешагнуть через два курса экстерном, чтобы остаться в аспирантуре. Почти все говорят, что его книжонка – зрелая и емкая кандидатская.

Виталик саркастично поведал о своих гомосексуальных опытах и о том, что скоро женится, в связи с чем придется бросить университет, но он еще поборется с судьбой. Оказывается, у Штока в Одессе должен был родиться ребенок. Будущего папашу тут же весело отправили за водкой.

Егор поведал о своем первом полете, случившимся в лагере, когда они сбежали с дружкой с тихого часа и махнули купаться на речку. Рассказал, как, накупавшись до посинения, валялись на раскаленном асфальте заброшенного шоссе и беззаботно болтали о всяческой ерунде. Как здорово, что они тогда удрали от этих!

8

С каким же упоением, оказывается, можно обедаться разными кислыми и сладкими ягодами в лесу, а затем целый час не вылезать из ледяной речки. И никаких тебе воспитателей-вожатых-физруков! Разговор с другом получался совершенно легоньким, немного наивным (этому-то было всего двенадцать), но очень-очень приятным. Где-то в груди чувствовалось горячее удовольствие. Примерно там, где кончаются ребра. И дело было не в асфальтовой сковородке, на которую они плюхнули свои абсолютно голые, покрытые гусиной кожей, мокрые тела.

Он давно уже заметил, что когда происходит что-то хорошее, в этом самом... (как же оно называется?), в этом подреберье (кажется, так) всегда разливается жар. Примерно такой же, какой исходил от серого мягкого асфальта, пропекающего тело насквозь. Примерно такой же, какой с утра выливал на них солнечный шарик. Яркое слепящее тепло погружало в удивительно умиротворенное, но при этом не сонное состояние. Говорить перестали. Смирно лежали, восторженно разглядывая огромное синее небо с редкими пятнами белых облаков.

Егор тихо соврал, что жариться на асфальте научил его папка, хотя не помнил отца. Фантазия нарисовала недопроявленные образы гигантского мужского тела с непомерно длинными сильными руками, часто отрывающими от земли и поднимающими ввысь, царапающей колкости небритого подбородка на вымышленном лице, легкого одеколонного запаха и ласковой силы ладоней. Наплел с три короба про кисти отцовских рук с тонкими пальцами и прозрачным волосяным пухом на фалангах, вытирающие нос. Изобрел аккуратные овалы выпуклых ногтей, тормозящие затылок и вычесывающие забившийся в брови речной песок. Сочинил неразрешимый детский вопрос: почему это на папиных руках растет точно такой же белесый лесок волосков, как и у него на бровях и макушке? При этом продемонстрировал с ухмылкой собственные запястья, подернутые густым белобрысым пухом.

Опять замолчали. Он раскинул руки в стороны, прижав ладони к асфальту, на секунду закрыл глаза, а когда раскрыл – мир перевернулся. Чудесный перевертыш не удивил и не испугал. Егор летел, держа легкий мир на плечах, а под ним плескались синие волны бывшего неба в пенных барашках бывших белых облаков. Настоящее море он видел только в журналах и кино, поэтому то, что воспринимали глаза, и было истинным морем, смыкающимся на линии горизонта с зеленым лесным небом.

Мир возвратился на место под оглушающий скрежет тормозов и грубый крик:

– Ах вы, сучата! Я вам сейчас все жопы надеру!

Над ними нависла кабина еле успевшей затормозить высоченной фуры. Зацепив уже высохшие трусы и комок одежды, ловко уворачиваясь от коренастого мужика, опасно размахивающего монтировкой, они сиганули в сторону леса. Вслед понеслись залпы ругательств. Такой отборной брани и многоступенчатой матерщины ни до, ни после той истории, услышать не доводилось.

9

Результаты летней ночи откровений оказались неожиданными. Университетский кружок четырех молодых мужчин, перерастающих юность, начал стремительно рассыпаться. Шток через полгода женился, бросил обучение и переселился домой. Серега и Вадик тоже поженились с интервалом в две недели. Не на сестрах, конечно же, на хороших подругах.

Нынешней весной редко захаживающие егоровы собутыльнички часто скучали, книжки валялись на стеллаже, а поспешно расклеенные после зимы окна уже третью неделю безбожно сквозили. Впрочем, кто из них скучал, сквозил и валялся, надо еще посмотреть. Главное, что сам он как-то подрастерялся в своем размеренном уютном мире. Ощущение тихой гармонии последних лет потихонечку таяло, как теплый мартовский снег. Вот ведь.

С Гейшей было хорошо, только виделись редко. За кулисами и в гримерках ночников звали ее Гешка. Дурацкое имечко с мусорным налетом, как впрочем, и кулисы всех ночных клубов, в которых они с Гейшей бывали. Он так и не запомнил ее реального имени. Лариса? Лиза? Алиса? Училась, кажется, в юридическом.

Пока звезда гримировалась, Егор слонялся по клубным танцполам, курилкам и сортирам, робко разглядывая разгоряченных пацанов-аниматоров в легких кислотно-пляжных костюмах. При внимательном рассмотрении выяснялось, что многие из них гораздо старше Егора. Ничего себе пацаны. Дядьки тридцатилетние с довольно потертыми рожами, а отойдешь на метр – юнцы.

Как же странны, все-таки, эти эстрадники. Может быть у драматических, цирковых или киношных как-то иначе? Ничего себе профессия, всю жизнь болтаться в кулисах, наряжаться в мишуру, надменно демонстрировать себя на служебном входе, загадочно курить, выдавливать из горла фальшивый хохот, и только время от времени выскакивать за спину более или менее известного певца, подогревая и так уже разогретый горячительным зал.

Он любил актеров и почитал многие роли кинозвезд непостижимо прекрасными, удивительными, потрясающими, гениальными. Но разгадать предназначение миллиона обычных артистов не мог. Знаменитый актер и неизвестный артист – разные профессии. В очередной раз придя к этому выводу, Егор прекращал размышления об актерстве.

Гейша работала стрип, и как только вскипала фонограмма ее номера, он неся к площадке. На сцене происходило что-то грандиозное и необыкновенно красивое. Экспрессия желания, вскипающая страсть, жажда и поиск удовлетворения были настолько ясны и убедительны, что неповоротливым охранникам приходилось сильно потеть, отгоняя публику от авансцены.

Егор прислонялся спиной к колонне и любил. Всем собой. До головокружения и слез он чувствовал этот жар.

Почти физическое ощущение странного обладания не шло ни в какое сравнение с их реальными квартирными встречами. Домашняя близость получалась короткой и суетливой, после чего дикое количество времени приходилось тратить на выдворение говорливой Гешки из квартиры. Уж очень ей хотелось быть с ним постоянно. Поэтому и поджидала его после лекций, и звонила в неурочные часы, и о любви говорила все время. Он же все время терпеть ее рядом не желал. А видаться хотелось.

С удовольствием, активно и цепко, она вновь штурмовала бытовые ритмы нерешительного Егора, прибавляя им весомую порцию мешанской тривиальности, как будто не замечая, что именно шумная уборка-готовка-стирка пополам с подробными рассказами о том, кто и как из парней ее подруг занашивает белье (мой-то не занашивает, молодец!) выводили его из себя. В результате краткого скандала, теперь уже Егор выводил упирающуюся Гешку из дома, про-

вожал до остановки, и отправлял ночевать в общагу. Он был уверен в том, что уводит ее навсегда. Но встречаться хотелось.

После очередного выпроваживания виделись только на нейтральных территориях – в клубах, на прогулках, в гостях и киношках. На этих территориях Гейша вела себя пристойно.

Ничего японского в шуплой рыжей девочке не было. Разве что фанатичная любовь к никому не известной рок-группе с труднопроизносимым названием из Поднебесной империи. Четыре маленьких япончика играли вполне американский хард, ничего этнического. Национальный колорит присутствовал только на плакатах и обложках CD-дисков гейшиной коллекции. Придумывая первый стриповый номер и клубный псевдоним, она долго не раздумывала. Назвалась японской Гейшей. Интересно, а бывают ли не японские гейши?

Парни таких девчонок дразнят поганочками. Ладная, но не идеальная фигурка была по жизни упакована в черные джинсы с цепями и кожаную косуху, кривенькие ножки с трудом передвигали массивными Камелотами, прекрасные густые волосы перетягивала темная банда в белых черепах. Каракатица, право слово. Как ее, всю увешанную рюкзаками, шарфами, клепаными браслетами и острыми кольцами, пускали на лекции, непонятно. Переодевалась, наверное.

При этом забрызганное пятнышками веснушек узкое лицо, крупные голубые глаза с длинными ресницами, тонкая высокая шея, тоненькие льняные спирали завитков на затылке, умопомрачительный золотистый пушок над верхней губой и напевное мягкое журчание речи перекрывали корявости идиотских нарядов. Егор очень любил ее рассматривать.

10

Летом Гейша потащила его в театр, какие-то ее друзья играли там кое-то шоу. Егор долго не мог взять в толк, почему не спектакль, и зачем играть шоу где-то еще кроме ночного клуба, но пошел с удовольствием. Оба они не бывали в театрах со школьных времен. Смутные детские воспоминания о маленьких тетеньках, изображающих Буратино и других сказочных мальчиков, ясности в понимание этого искусства не добавляли. Похоже, пришла пора разобраться с ним серьезно.

На ведущей к театру горбатой улочке стоял гвалт. Заливистый собачий лай, звонкий скулеж и пронзительный визг разносился по всем соседним кварталам. Идущие навстречу прохожие улыбались.

– Не иначе как собачья свадьба, – сказал Егор, – надо бы обойти ее аккуратней.

Гейша вцепилась в его рукав и тихо прошипела:

– Давай не пойдем, искусают. Меня один раз покусали в первом классе сильно. Я залезла на стройку, а там собака со щенками сидела. Я их гладила, собака мне руки лизала, так было здорово. А потом прибежал пес, наверное, папа этих щенков, и начал кусаться, гадина. Давай не пойдем...

– Пойдем, пойдем. Надо же посмотреть, что там происходит. Если что, развернемся.

Приблизившись, они заулыбались так же, как и другие прохожие, поскольку увидели зачинщика переполоха. Им оказался небольшой щенок-подросток, загнавший в угол крупную крысу. Это он один шумел на весь район, как будто свора бешенных борзых. Крыса заняла круговую оборону, и сдаваться не собиралась. Какая же она была огромная! Чуть-чуть поменьше щенка. А этот сучий детеныш кусать ее даже не пробовал. Он старался показать свою удивительную находку как можно большему количеству людей. Как же оглушительно он гавкал, подскакивая к очередному человеку и рассказывая о крысе. Люди усмехались, о чем-то с ним говорили, и он был рад стараться. Он то подлетал к перепуганной тетке с рюкзаком, сам пугался ее визга, то метался опять к крысе. Настала очередь Егора и Гейши, к ним понесся, собака.

– Ты чего это разорался, дурак? – крикнул Егор, стараясь отыскать в своем голосе низкие, властные, но при этом отеческие ноты. Получилось немного по-мальчишески, голос его оказался для этой задачи несколько высоковат.

– Тяф! – так же по-мальчишески отозвался щенок и, усевшись, склонил голову набок.

– Чего тяф, сукин сын? – хохотал Егор.

– Гаф! – продолжил общение щенок и улыбнулся. Похоже, ему понравился веселый длинный парень и маленькая девушка, не желающая слезать с дорожного ограждения.

Отклеивание орущей девушки от светофора – задача сложная, но интересная. Тем более, когда в помощниках у тебя вертлявый гавкающий щенок. Очень эффективна щекотка. Крики ужаса при ее применении сменяются веселыми воплями «дурак!» и ослаблением цепких объятий светофорного основания. Уже через минуту Гейша висела сверху попой на егоровом плече, а крыса гордым конкурным галопом покидала место сражения. В несколько прыжков она пересекла проезжую часть, хмуро оглянувшись на шумную человеко-собачью компанию, может быть и сплюнула презрительно по-своему, по крысячьи, прежде чем зашагать пешком к гаражам.

Поход в театр продолжился. Щен, как начал его называть Егор, оказался попутчиком симпатичным и вменяемым. Лай прекратил, как только его об этом внятно попросили, терпеливо улыбнулся в ответ на потрепывание ушей, озорно лизнул гейшину руку во время знакомства, чем окончательно очаровал, расположил, примирил. Он преспокойненько шел рядом с Егором, время от времени тычась мордой в колено, как бы проверяя, не исчез ли его новый человеческий друг; иногда забегал вперед, дожидался, и насмешливо игнорировал гейшину трескотню, состоящую из доброй сотни нелепых вопросов. Какая уже, в конце концов, раз-

ница, породистый он или нет, сколько ему месяцев от роду, где ночует, хочет ли он у них жить и зачем так машет хвостом? Он их выбрал, он ведь теперь с ними. Вернее, с ним, с другом. Егор все это прекрасно понимал и весело подмигивал.

Щенка оставили в театральном дворе у мусорных контейнеров. Тот покорно согласился ждать и не орать. Знал, сучонок, что у людей есть такие места, куда собак не пускают. Егор выходил несколько раз покурить до начала и убедительно просил не убегать. Собачонок восторженно поделился новым открытием, – по крышке бака прогуливалась черная глянцевая ворона, презрительно его не замечавшая.

Шоу называлось «Кабаре ТЕАТР». Бедные зрители! Ни к варьете, ни к кабаре, ни к какому другому зрелищному жанру это беспомощное, тошнотворное действо отношения не имело. Гейша очень верно обругала его «Шоу РВОТНЫЙ ПОРОШОК».

Семеро немолодых разнофактурных актрис в боа и перьях, будто курицы, стремительно теряющие пух от каждого взмаха, косолапо попркидывались под артисток балета «Лидо» (хорошо хоть груди не обнажили), нетвердо зафиксировались в финальной мизансцене пролога и, не дождавшись аплодисментов, под топот собственных ног, поплелись за кулисы, перекрывая путь рвущемуся на сцену конференсье.

Невысокий юноша-пупс конферировал бездарно, кротко тужился, очевидно стесняясь своего жирноватого тела, втиснутого в не по размеру узкий официантский смокинг. Обильно потел, путал падежи, забывал слова, педалировал невнятным говорком чужие, заранее заготовленные, унылые шутки и мощно фальшивил в интонациях. Короче, врал совсем не убедительно, без огонька.

Номера между его выходами сначала смешили самонадеянной придурковатостью, но вскоре начали ужасать зал потрясающе нагленьким провинциальным апломбом, вульгарной самодеятельностью и блеклыми сатиновыми костюмам с новогодними блестками.

Кто-то в зале тихо посвистывал, кто-то уже пробирался к выходу, кто-то громко вступал в остроумные диалоги с незадачливым ведущим, насмехаясь над собственным простодушием, позволившим купиться на волшебное слово «кабаре», покупая билеты. Большинство досиживало до антракта.

Егор скучал. Он уже пересчитал все прожектора и разобрался в очень симпатичной организации сценического пространства, понял, как работает машинерия, где сидит осветитель, где звуковик. Горемычным комедиантам не удавалось держать зал. Рассеянно наблюдая, как коротконогие русские мужчины корчат из себя элегантных заграничных артистов, он придумывал, где разместить место для Щеника дома, чем его угостить сегодня, чем кормить каждый день; решал, как часто будет с ним гулять и где купит ошейник с поводком.

Так ведь именно такого ясного, преданного, искреннего друга он и разыскивал среди людей последние годы! Да еще такого, чтоб всегда был рядышком. Что же это за судьба-то у него совсем бестолковая, щедро предлагающая на роли друзей великолепных, интересных, милых, но – приятелей, а вместо любимой – десяток стоворчивых любовниц? Надо же.

В театре ему понравилось все, кроме происходящего на сцене. От скуки начал раздумывать о мужских типажах. Пожалуй, все мужчины делятся всего на два типа – Мальчиши и Крепыши. Первые всю жизнь тянутся ввысь, вторые крепко стоят на земле и расширяются. Как ни тужился, третьего типажа так и не нашел.

Мальчиш мечтает о далеких путешествиях, чудесных приключениях, благородных победах. Крепыш добивается шикарных игрушек, реальных удовольствий, сладкой еды. Вектор желаний находит зримое выражение в направленности телесного роста – вверх или вширь. Получается так. Должна же выражать внешняя форма глубинную суть, как же иначе? Вот и сложилось очевидное деление всех мужчин на две базовые группы, остальное – вариации и подчеркивающие правило исключения.

Коренастые мужики деловиты, сообразительны, действенны, натуральны. Они никогда не станут создавать что-то эфемерное, утонченно-возвышенное, их стихия – борьба за реальные блага. Живут Крепыши «по горизонтали», триумфально победив в ранней юности интеллектуальное и духовное волевым. Объем бедер красноречив, крепкая широкая задница и весомый балласт грузных ног выдают принадлежность к мужицкой породе. Активная жизненная позиция гарантирует телесное благополучие, творчество им ни к чему. Пропорция трех человеческих начал – ум, чувство, воля – перекошена в их организмах в сторону последнего. Центр тяжести у мужиков – ниже пояса. Сообразительны, но не умны. Чувственны, но не духовны.

Мальчишки же продолжают упрямо расти всю оставшуюся жизнь по вертикали; размышляют, переживают, мечтают. Даже если не удивляют человечество грандиозными прозрениями или творческими откровениями, просто уравнивают мир.

Противостояние животного и человеческого – вот о чем призван поведать театр, как и любое другое искусство. Не забавлять безалаберно сляпанными развлечениями, а рассказывать нам о нас. Рассказывать ярко, емко, интересно, потрясающе.

«Так, стоп машина! Что-то ты совсем запутался, Ваше благородие!» – приостановил поток мыслей Егор и засмеялся, удивив дремлющую на плече Гейшу, наверное, подумавшую, что насмешил его корявый юморок очередного как бы комического номера.

– Тебе что, эта блевотина нравится? – недоумевала Гейша.

– Да нет, я о своем. Размышлялку размышляю интересненькую, вечером расскажу, – рассеянно шепнул в ее сторону Егор, возвращаясь к раздумьям.

«Никуда не годится твоя стройная классификация стройности фактур. Про театр – верно, а куда прикажешь подевать великих коренастых коротышек Льва Толстого, Арама Хачатуряна, Евгения Леонова? Эти грандиозные карапузы поднимались в такие заоблачные высоты, до которых ни тебе, ни уж, тем более, туповатым спортсменам, бравым солдатыкам, балетным солистам или аморфным заводным манекенам для подиумной одежды, не дотянуться никогда. По твоей логике получается, что каждому более-менее высокому мужчине суждено являть миру благородные помыслы, философские идеи и возвышенные чувства? Чушь какая-то. Пушкин со своим кривоногим обезьянством и нелепый недомерок Чаплин вообще никуда не вписываются. Ни черта внутреннего внешние мужские черты не выражают и, как правило, наоборот, тщательно маскируют суть».

Последний вывод обрадовал, как и финал злополучного шоу. Хотя Егор запросто еще целый час просидел бы в уютном зальчике, напрягая извилины. Сцена от мыслей не отвлекала.

«Успокойся, пожалуйста, возвышенный мыслитель-тугодум! Ты, конечно же, мужчина длинный, но умишка тебе твой рост не прибавляет!» – веселил он себя, покидая зрительный зал.

11

Щенка у мусорки не было. С контейнера на контейнер элегантно перепрыгивала знакомая ворона, время от времени роняя из клюва неизвестно зачем ей понадобившуюся драную меховую шапку.

Егор с Гейшей намотали несколько кругов по району, разыскивая потерявшегося щенка. Примерно на третьем встретили расходящихся по домам актеров, оказавшихся в жизни очень милыми и симпатичными людьми. Гейшины друзья сбежали еще в первом акте, так что помочь не могли. Две актрисы на служебном входе сначала немножко позвездили (Мы автографы не даем!), но, поняв суть проблемы, ненадолго присоединились к поискам, прозорливо подсказав еще одно место для розыска – рынок.

В вещевой части полупустого рынка подошли к развалу белья, футболок, чулок, колготок и носков. Пакующая тюки восточная тетка тут же запричитала низким голосом:

– Труссы, мужчина! Труссы!

Егор моментально смутился, но продолжил изучать не столько обильное содержимое аляпистого лотка, сколько его сложную, многоступенчатую организацию. Щен мог соорудить себе в этом лабиринте место ночлега.

– Труссы, труссы, мужчина! – продолжала голосить торговка.

Из-за занавеса разноцветных рейтузов, разнокалиберных бюстгалтеров и кальсон на свет появилась еще одна продавщица, точно скопированная с первой, но только русская народная. Гейша взялась выбирать ему боксеры, под низкие рулады:

– Труссы, носки, девАчка! Труссы! Труссы! Носки, труссы, мужчина!

Пока стушевавшийся Егор, неловко улыбаясь, трогал товар, вторая торговка резко остановила нудные песни восточной зазывалы:

– Э, подожди, щас понюхают...

В овощной ряд затесалась букинистическая палатка, на задворках которой высилась груда ящиков и пустых коробок – отличное укрытие от ветра с дождем. Краснолицый дед в выпуклых роговых очках с перевязанными изолентой дужками продал им несколько редких, ни разу не читанных книг, и очень удивился отказу от приобретения вместо реализованного утром собрания Бунина полного собрания сочинений Дудина в отличном состоянии. Все же по тридцать рублей!

Модная рыночная молодежь занималась мерчендайзингом в арбузном ряду. Одетые в турецкие кожаные штаны и черные жилетки, такие же темные черноволосые парни сооружали затейливые пирамиды из арбузов, хурмы, персиков, яблок, винограда, ловко завешивая над своим витринным произведением медленно опускающееся, жирное облако дихлофоса из баллончика.

«Так вот почему на этом рынке не бывает мух. Пакостники. Фиг я здесь буду покупать!» – пообещал себе Егор.

Щеник не находился. Поиск решили возобновить завтра с утра, а по дороге домой поссорились. Гейша опрометчиво предложила наплевать на этого песика и купить другого. Егор развернул ее в сторону остановки, сплавил в общагу и, вернувшись в одинокую стерильность дома, разрыдался как мальчик, поняв, что Щен уже не найдется. В память о маленьком друге провидение оставило ему пару шикарных трусов, пять хороших книжек и теплые вязаные носки. Спасибо.

Полутру, кое-как умывшись и не позавтракав, побежал опять разыскивать Щена. Бесплезно. У театра, как и предполагал, встретился с Гейшей. Помирились как всегда сразу, не вдаваясь в подробности вчерашней размолвки.

Мимо них, к театральному подъезду, построившись парами, плелись нестройные вереницы запинаящихся на каждом шагу непоседливых первоклашек и прочей мелкоты младшего школьного возраста. Вот-вот уже должна была начаться «Дюймовочка». Не сговариваясь, побрели вслед за мелюзгой.

В рядовом детском утреннике они увидели настоящий театр. Это был спектакль! Чудесный, завораживающий, тонкий. Егору все больше и больше нравилось изумительное искусство из пыли, фанеры, раскрашенных тряпок, разрисованных людей, диковинных предметов, разноцветного света и необычных звуков.

Сцена рассказала историю о том, как милая невинная девушка, беззаботно произрастающая в оранжевое дворцовой жизни, вдруг открывает для себя изнанку придворных интриг, сталкивается с уродливыми условностями существования и гаденькими характерами домашних, уже давно пристроивших ее в жены какому-то, блин, королю эльфов. Хрупкую, непорочную деву такая коварность, знамо дело, не устраивает, и она сбегает из дворца во внешний мир. А мир оказывается не менее уродлив, сплошные подонки, мерзавцы, да моральные инвалиды. Так бы она, видимо, и сгинула среди карикатурных гадин, если бы тот самый эльфийский король (существо тоже невинное и бесполое, неизвестно каким образом выживающее в своем собственном дворце) не образовался у нее на пути. Два сапога – пара! Делаем вывод – нехрена было никуда бегать, их же и так собирались женить. Тревожило только одно, как же эта субтильная парочка выживет? Во дворце-то у невестушки тоже ведь мерзость сплошная.

Вопросы Егор адресовал не актерам, а скорей всего, режиссеру или автору пьесы, что-то ошибочное было заложено в основу прекрасно сыгранной истории. Вчерашние артисты не то что бы удивили, они потрясли. Нынешняя их работа не шла ни в какое сравнение с тошнотворным кабаре, даже пупс-конферансье пребывал на своем месте и был просто великолепен. Чудеса.

Гейша согласилась с тем, что спектакль хорош. Не понравилась ей только главная героиня, потому что слишком уж инфантильная, отвратительно милая и приторно нежная. С первого взгляда невзлюбила Гейша юную артистку, да и созданный образ тоже, Дермочкой все норовила обозвать. «Знала бы ты, как часто на нее походишь внешне и во многих своих проявлениях!» – внутренне ерничал Егор, но вслух произносил только свои аналитические размышления о пьесе и спектакле. Гейша слушала тихо, изредка вворачивая в паузы егорова красноречия робкие изречения собственных замечаний, по-детсадовски выпучив восхищенные глаза, ни разу не перебив. Такая форма диалога ему понравилась. Видеться стали часто и почти без конфликтов.

12

За год удалось посмотреть как минимум сотню спектаклей, драматических, детских, гастрольных, музыкальных, балетных, отменяя ставший привычным, почти ежевечерний, поход в театр только на время сессий.

Встречались вечером в кассах, по пути в гейшин клуб обсуждали увиденное, Егор ехал домой додумывать впечатления и дочитывать книги нудного дядьки Станиславского (детский писатель из него никакой!) или великолепного племянника великого дяди Чехова. Продолжали разговор среди ночи, перемежая его кратеньким сексом, легоньким ужином и заклеиванием пластырем телесного цвета, естественных для любой стиптизерши, свеженьких ссадин и синяков на гейшином теле. Он крепко прирастал и к театру, и к Гейше.

Откровенничал смело, велеречиво, со вкусом, ни капельки не стеснялся рассказывать, как подставляет на место коротконогих дурачков себя, умного и длинноногого. Какой же он все-таки везучий, ему позволено масштабно думать, осознавать, мыслить; у большинства эта способность отнимается еще в детстве и заменяется плоской сообразительностью. Сразу присваивал очевидные удачи увиденных на сцене ролей, находя оригинальные приемы быстрого исправления проколов, шероховатостей, срывов.

А еще, он с упоением упражнялся в колоритном изложении дневных наблюдений за необычными людьми и ситуациями в городе. Вот об этом и нужно играть так же точно, как оно происходит! Привирал, конечно же, прибавляя тривиальным обстоятельствам немножко более драматичные, с его точки зрения, темы, черты, события, такие, чтобы можно было запросто в театре показать. От этих драматургических выдумок на базе реальных жизненных картинок его бросало то в дрожь, то в хохот. Гейша заражалась «рассказками» на раз, восторгалась вообще-то обычными, но такими прикольными в аранжировках Егора историями и могла полночи выклянчивать продолжения сериала занимательных повествований.

Если уложить самые любимые их диалоги того периода в единый разговор, получится живописный коллаж милых житейских эскизов с резкими переменах времен года, атмосферных условий, действующих лиц и мест действия.

– Началось еще в метро. Я думал, что тресну от хохота! – интригуяюще зыркал Егор. – Представляешь, на станции в последний момент успевают заскочить дедок, вылитая дыня на ножках, хватается за поручень, рожа серьезная, круглая, пухлые щеки ходуном ходят, отдышаться от кросса пытается. И тут как пукнет! Вернее даже не пукнул он, а громыхнул раскатисто на весь пустой вагон протяжно и зычно, будто бы в саксофон дунул.

– Ты был один? – весело выпрашивала Гейша.

– Да в том-то и дело, что нет. Рядышком пара девчонок сидела, губы правила, тоже из клубника твоего возвращались, поди. Дедок так элегантно к ним поворачивается и говорит, как в анекдоте: «нервы совсем никуда не годятся». Что тут началось! Эти профурсетки косметички свои на полвагона рассыпали, ржали так, что на четвереньки свалились. Так и прохохотали они всю дорогу, по вагону ползая, а больше всех потешался нервный дедушка. Представляешь?

– Прикольно!

– Выхожу потом в рассветный город, а там – тишина, машин почти нет, воздух чистенький, солнце желтушное. Не проснулся еще наш термитник. Фонари горят бесполезные, метелью лицо царапает, снежок в рукава задувает. Только я миру порадовался, и тут – бац! Из подъезда на детскую площадку выпуливается мальчуган в трениках драных на коленках, валенки на нем высоченные и шапка-ушанка огромная, а больше ничего и нет. Носится по сугробам, снег зачерпывает и скулит как щенок одно слово: «мама».

– Ну и что?

– Как что? Представляешь, что там у них могло натвориться? На лице у него, как приклеенная, маска горя несусветного. Ребенок же. Может, она просто к соседке поднялась, а этот не вовремя проснулся и ринулся разыскивать, бедолага.

– И что?

– Да бабуля за ним вышла, в пальто закутала, успокоила, домой увела.

– Вот видишь, как все здорово, а ты драматизировал!

– А вдруг заболела мама? И не будет ее больше у него никогда?

– Да ну тебя, сам же говорил, к соседке поднялась.

– Да. Скорей всего, к соседке, – соглашался Егор и мрачновато задумывался.

Потом тряс головой, как пес после купания, отгонял неприятные мысли и продолжал:

– А еще я сколлекционировал красавицу в разных кроссовках, тормозного гардеробщика, скорбный дуэт, танцующих в луже бомжа и бомжиху, бабу с балалайкой у магазина, батюшку на перекуре, мента, избивающего колонны в метро, юного вуайериста на пляже, троллейбусного диджея и нашу вахтершу, Красную шапочку.

– Гигант! – хвалила Гейша, втискиваясь на подушку под его рукой, закутывала тела в прохладный кокон из одеяла и пледа, расчесывала острыми ноготками егоровы брови, тормозила затылок, подтыкала края пледа им под бока, и настраивалась слушать.

– Девушкина красота поразила меня в самое сердце, даже забыл, куда ехал, – многозначительно начинал Егор, – такая фемина составит честь любому мужчине. С ней и в кровати поваляться приятно, и на светском рауте посветить. Не то, что с некоторыми.

– Гадина! Что случилось-то с ней?

– Случилось, наверное. Стоит на остановке такая красота неземная, идеально одетая, в безупречной прическе, а глаза у нее измученные. Смотрит на домогающихся общественного транспорта старух, и не видит никого. На левой ноге – коротенький белый кроссовок, на правой – высокий оранжевый. И наплевать ей абсолютно на хихиканье кургузых теток, знает прекрасно, что обулась неправильно, но не это ее занимает. Переживала она, понимаешь? Что-то скверное переживала.

– А потом?

– А потом я поперся на пляж перед лекциями и увидел там счастливого человека.

– Нет, подожди, а с красавицей-то что случилось?

– Осталась на остановке.

– И все?

– Тебе мало? Может быть с ней, наоборот, чего-то не случилось. А может, тяготило ее как раз то, что не случалось с ней чего-то важного никогда?

– Нервная дура какая-то.

– Зато ты у меня очень выдержанная, – раздражался Егор.

– Ну ладно, а на пляже чего? – увертывалась от скандала Гейша.

– Все происходило вокруг женской выжималки, – ляпал Егор и смеялся, – лучше говорить переодевалки, как ты считаешь?

– Кабинки для переодеваний, балда! – весело поправляла Гейша.

– Точно! Спасибо, коллега! Итак. Улегся я, жарюсь, и чувствую краем глаза...

– Глазами не чувствуют, они для того, чтобы видеть!

– Некоторые шибко уж очень образованные филологи скоро в свою любимую общагу поедут, если опять перебивать будут!

– Молчу, молчу.

– Итак. Чувствую, что на периферии обзора что-то происходит. Присматриваюсь. А вокруг кабинки пацан лет тринадцати трется, дохлый такой, в идиотских семейниках. В стенке кабинки какой-то урод, понимаешь ли, дырищу приличную проковырял, а этот, значит, подзывает. Такого упоительного восторга и брызжущей радости на лицах людей я давно

не видал. Ну, правильно, в койку к тебе ему рановато, в клубы тоже не пускают. Где же он тебя еще увидит голой?

– Дурак!

– Дурак. В смысле он – дурак. А я вот не сразу понял, что это клиника.

– Его хоть застукали?

– Стукали его девки, стукали в прямом смысле слова. Один парень за ним по всему пляжу носился. Только отгонят, а этот опять за свое. И опять восторг на лице, и опять блаженство. Между прочим, наслаждение он не только лицом выражал. Есть в организме у мальчиков такая предательская штуковина, которую очень хорошо заметно, когда они испытывают удовольствие определенного свойства. Так вот, у него она была взведена на «три пятнадцать». В финале, прошу прощения, все увидели как выглядит «брызжащая радость». Лучше, наверное, говорить «брызги шампанского».

– Какая разница как говорить? Его же лечить надо! Он же насиловать пойдет! – В голосе Гейши звучало негодование. – Кто-нибудь из вас хоть додумался дурку вызвать?

– Нет, – растерялся Егор, – все просто порадовались, что ушел.

– Рано порадовались. Подрстет немного и начнет безобразничать, гад.

– А ты ведь права. Я даже не подумал.

– Глупый, – оттаивала Гейша, ласково похлопывая маленькой ладонью по егорову лбу. – Совсем глупый!

Подушечки ее пальцев приятно касались век, неторопливо изучая географию лица, и они целовались.

– Надо бросать курить, – разглядывал в темноте готические пепельные огоньки сигареток Егор, – только мы с тобой безвольные, ничего у нас в этом смысле не выйдет. Вот ведь какую прилипчивую заразу человечество себе выдумало. И не радует нас курение, и не помогает ничем, а фиг отлипнешь. Что уж о нас, убогоньких, говорить, если даже священники покупают. Представляешь, шел мимо церкви, а в гаражах служитель культа перекуривал. Прямо как школьник за школой, сигарету кулачком маскировал, дым ладошками развеивал, по сторонам все время озирался, чтоб не засекли. Затянется и крестится по-быстрому. Всегда удивлялся этой их способности креститься размашисто, будто комаров отгоняя. Бороденка, космы, униформа черная, все как полагается, только глаза у него были нестандартно озорные, не такие как у них у всех, проказливые были глазки и веселые.

– Когда ты все это успел заметить? Там же идти два шага.

– Покурить остановился, – виновато улыбался Егор, – и, по-моему, не зря. Еще кое-что занятное подглядел. Выходит из храма дуэт, мама с сыночком скорее всего, очень уж похожие. Лица скорбные, фигуры сгорбленные, типичные прихожане. Ей лет за шестьдесят, ему за сорок примерно. Аккуратненькие такие шли, покорные. А когда мимо проходили, услышал, о чем говорят. Они ругались! Можешь себе представить? Ядовито, матерно, тихо уничтожали друг друга.

– Давай не будем ссориться больше, – шептала Гейша.

– Давай. Будем только петь и смеяться как дети. Ладно? Нет, лучше будем плясать как бомжи у супермаркета. Вот счастливый народец!

– В магазин-то тебя зачем понесло, деньги что ли появились?

– От дождя прятался.

– И что за бомжи?

– Хорошие бомжики, влюбленные. Счастье – субстанция непредсказуемая, может возникнуть в самых неожиданных местах и у самых неординарных людей. Расцветет оно вдруг на какой-нибудь невероятной какашке и порадует всех вокруг, улыбки по нашим кислым физиономиям развесив. Плюгавые они, конечно, были, мокрые, пьяненькие. Ухватились

за ручки вдвоем, и давай танцпол в лужах устраивать под аккомпанемент радио из магазинной колонки у входа. Счастливики. Знаешь, как им было хорошо!

– Догадываюсь. А мы с тобой влюбленные?

– Похоже на то. Предлагаешь пойти в луже поплясать?

– Да нет, – тихонько смеялась Гейша, – мне для счастья дождика не надо, у тебя под одеялом гораздо теплей, да и натанцевалась я уже сегодня. У меня сейчас счастье. Расскажи еще.

– Про кого?

– Про балалайку у тебя что-то там было. Или про милиционера.

– Про балалайку сначала, потому что она там же, у супермаркета, сидела.

– Кто?

– Бабулька с балалайкой.

– Так бы и говорил, а то получается, что балалайка у тебя сидела.

– Опять дразнишься? А я тебя прощаю. Видишь, какой я великодушный!

– Пока не дослушаю, в общагу не поеду, можешь не надеяться.

– Тогда слушай. Бабку эту я и раньше замечал, но так близко лишь в этот раз увидел. Лет восемьдесят, наверняка. Удивительная старуха, тельце дряхлое, глазки слепенькие, а мозги ясные. Так остроумно пьяные пляски комментировала, что вокруг нее куча народа собралась и денег ей в коробочку тут же накидали. Эти пляшут, а она, в качестве озвучки, частушки с соленым словцом запузывает. Блеск! Продавщица кому-то в очереди рассказывала, что приходит бабуля перед квартплатой, высидит за пару дней копеечку на коммунальные счета и больше не появляется. Представляешь, какая молодец бабушка, не просто милостыньку кланчит, а как бы искусством зарабатывает! Говорят, дети ее померли, а внукам не до нее. Только в День победы в орденах приходит и без балалайки. Спасенная родина почитает своих героев исключительно в массе, не конкретно. Война забывается быстро. Отдельно взятые слабеющие герои-победители спасаются от жестокостей нового поколения каждый самостоятельно. Их побеждает время. Понимаешь?

– Да. Жалко ее, все уже поумирили, а она все живет. Ты мне лучше расскажи, каким таким образом в милицию попал.

– И не попадал вовсе. Просто ждал Серегу в метро и смотрел, как по станции прохаживается мент с новенькой дубинкой. Подождет, пока схлынет поток народный, и с размаху как треснет по колонне с удовольствием, с отяжечкой. Успокоится, мышцами под кителем поиграет, дождетсЯ следующей электрички, пропустит поток, и опять бьет колонну. Разминался служитель порядка, видимо давненько никого не бил. Вот что у него в голове происходило, о чем он думал? Да и думал ли вообще? О душе, к примеру? Страшно жить в стране, где за порядком смотрят люди без головного мозга.

– Злой ты, Егорушка.

– Да уж, недобрый. Но, мне кажется, справедливый. Я же понимаю, что бывает он и умненьким, и нежным, и благородным, и великодушным. Но это где-то там наверху, в другой жизни. А здесь он – тупая машина для избиений, мыслящая спинным мозгом. Страшно, Гешечка, жутковато даже.

– Жить вообще страшно. Природа так устроена.

– Ага, природа зверей. Там вот, действительно, все друг дружку бьют и жрут постоянно. Вернее, пожирают слабеньких. А для этого процесса много ума не надо, инстинкта вполне достаточно. Но среди людей надо сдерживать себя, мы же не животные! Согласна?

– Надо подумать.

– Вот! Мысль отличает нас от зверушек, мысль и чувство. Противостояние животного и человеческого в людях – вот о чем призван поведать настоящий театр, как и любое другое искусство. Ярким, емким, интересным, потрясающим должен быть театр.

– При чем тут театр?

- Так я тебе о нем все это время рассказываю!
- Ясно! И люди в нем – актеры. Так?
- Так, так! Но только не такие, как в том шоу.
- Какой ты... – успевала пролепетать Гейша и засыпала, улыбаясь.

До рассвета Егор слушал тихое посапывание, вспоминая нерассказанные картинки. Сменялся над чудным поведением странноватой тети в пожизненном красном берете, прозванной студентами Красной шапочкой. Эта сквалыга никак не желала выдавать ему ключ от аудитории и полчаса продержала у запертой двери целый поток вместе с деканом. Раньше она работала водителем троллейбуса, а теперь вот пополнила боевой отряд воинствующих вахтеров. А вы попробуйте просто так восемь часов просидеть на табурете у входа, скучно же. Но если насытить часы запрещениями, непусканьем, назидательными текстами, комментариями внешнего вида и конфликтами разного уровня сложности, время пролетит незаметно.

Среда троллейбусных водителей выпускает иной раз на подмостки жизни уникальных персонажей. Чем-то похожий на Красную шапочку, но только небритый, управляющий единицей городского электротранспорта, везущей Егора на лекции, водила всю дорогу терзал микрофон, возомнив себя супердиджеем. Он не только объявлял остановки, но и рассказывал о местах пересадок, погодных прогнозах, грядущем повышении цен за проезд, критиковал не в меру расфуфыренных девушек, неумелых автолюбителей, бестолковых гаишников. И, не выключая, укладывал микрофон на динамик допотопного приемника, транслируя в салон безбожно хрипящие популярные хиты знаменитого уголовного радио.

В театральном гардеробе служил ровесник и полная противоположность экспрессивного водилы. Чопорно интеллигентный, аккуратно нарядный, до синевы выбритый мужчина средних лет никуда не торопился. Брал курточку, внимательно высматривал наличие петельки, нес ее к вешалке, долго изучал ряд крючков, как будто определяя, какого номера достойна эта одежда, снимал номерок, скрупулезно сличал его с числами над крючками, подвешивал куртку и, лирично вздыхая, шествовал с номерком в сторону зрителей. Совершенно закономерно в его сегменте гардероба скапливалась большая зрительская очередь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.